

Виктория Булавина

Третий рейх

Адольф Гитлер: покушения на жизнь

Одной из наиболее одиозных личностей в истории XX века был Адольф Гитлер. Хотя о нем написано множество исторических работ, романов, статей и воспоминаний, этот человек все еще остается загадкой для историков.

Как жил лидер национал-социализма? Был ли он монстром, фанатиком, психически больным человеком или злым гением? Почему, несмотря на около пятидесяти готовившихся покушений, Адольфу Гитлеру удалось избежать смерти от руки убийцы? Почему провалились хорошо подготовленные покушения 1939-го, 1943-го и 1944 года? И как Гитлер закончил свою жизнь: действительно ли он покончил с собой — или это была удачная мистификация? Постараемся разобраться и найти ответы на эти вопросы.

Рождение мифа

Адольф Гитлер — один из самых известных людей в истории человечества. Оратор и политик, основоположник и центральная фигура

национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, фюрер Национал-социалистической немецкой рабочей партии, рейхсканцлер Германии и главный нацистский военный преступник...

Миф об Адольфе Гитлере начал создаваться еще в 1930-х годах, во многом стараниями самого Гитлера, который, как никто, понимал силу пропаганды. Он писал: «Пропаганда длится до тех пор, пока ей не станут безоговорочно верить, до тех пор, когда уже не знаешь, что выдумка, а что быль. [Пропаганда] — это квинтэссенция любой религии... идет ли речь о небе или о мази для волос».

В книгах для детей и юношества, выпускавшихся в нацистской Германии, Гитлер представал как сказочный персонаж. Вот как Аннемария Штилер, немецкая писательница, известная прежде всего как автор серии книг для подростков, посвященных жизни и деятельности знаменитых немцев прошлого, начинает свою «Повесть об Адольфе Гитлере»: «Много-много лет назад в деревушке, расположенной среди леса в горах, по которым в ту пору проходила граница Австрии и Германии, жил бедный крестьянин. Он усердно работал на своем клочке земли вместе с женой и детьми, случалось, помогал в лесу дровосекам, но едва мог прокормить свою большую

семью. У бедняка был маленький сын, который думал так: «Если я останусь здесь, то вынужден буду стать крестьянином, как мой отец, трудиться день и ночь, но едва сводить концы с концами. А там, за лесами, должно быть замечательно. Там хлебные поля и широкие реки, и если поехать дальше, то доберешься до большого города Вены»...» В этом отрывке описывается жизнь Алоиса Гитлера, у которого был единственный сын, «которому суждено было прославиться на весь свет».

Образ Гитлера, пропагандировавшийся в нацистской Германии, резко отличался от того, каким видели фюрера жители других стран. Гитлер, почитавшийся в Третьем рейхе как герой и освободитель немецкого народа, казался им выскочкой, которого не принимали всерьез до событий 1940-х годов. Так Джордж Оруэлл писал: «У него трагическое, несчастное, как у собаки, выражение лица, лицо человека, страдающего от невыносимых несправедливостей». А в психологическом портрете, составленном психиатром Гарвардского университета Генри Мюрреем по заказу Бюро стратегических служб (предшественник ЦРУ), говорилось, что «помимо других зол, Гитлер страдает неврозом, паранойей, истерией и шизофренией».

Но каким бы ни было отношение к Адольфу Гитлеру, кем бы он ни был — гением или злодеем, надо признать, что он стал тем человеком, который объединил немецкий народ и смог увлечь своими идеями сильного государства — Третьего рейха — миллионы людей. Его обожали и почитали не меньше, чем ненавидели и проклинали.

В XX веке, когда мир охватила волна терроризма, кажется удивительным, что Адольф Гитлер, вызывавший такую ненависть у противников Третьего рейха, не стал жертвой политического убийства. От рук фанатиков, народных мстителей, сумасшедших и профессиональных убийц погибли такие президенты США, как Авраам Линкольн, Джеймс Гарфилд, Уильям Маккинли, Джон Кеннеди, были убиты лидеры Индии Махатма Ганди, Индира Ганди и Раджив Ганди, премьер-министр Пакистана Лиакат Али Хан, бывший премьер-министр этой страны Беназир Бхутто, президент Шри-Ланки Ранасингхе Премадаса... Из-за убийства наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда даже вспыхнула Первая мировая война. Неужели никто и никогда не пытался «устранить» Гитлера? Или просто ни одна из попыток не удалась? Было ли это чудом или цепью благоприятно сложившихся обстоятельств

для фюрера? Попытаемся разобраться в этой загадке.

Адольф Гитлер родился в австрийском городе Браунау в 1889 году и до 1932 года сохранял австрийское гражданство. Его отцом был Алоис Гитлер (1837–1903), матерью — Клара Гитлер (1860–1907), урожденная Пёльцль. Поскольку Алоис был незаконнорожденным, он до 1876 года носил фамилию своей матери — Шикльгрубер, однако в этом году (благодаря замужеству матери) сменил фамилию на Гитлер. Сам Адольф Гитлер, вопреки распространенному с 1920-х годов утверждению, никогда не носил фамилию Шикльгрубер. Отец Гитлера был служащим на таможне и обеспечил семье относительный достаток. Но он умер, когда Гитлеру было 14 лет, а через пять лет умерла и мать.

Адольф не получил систематического образования: ему так и не удалось закончить среднюю школу в Линце, куда переехала его семья, а его планы на поступление в Венскую академию художеств не стали реальностью (хотя Адольф полагал, что обладает незаурядным дарованием по части живописи и архитектуры), так как он дважды проваливался на вступительных экзаменах. Его школьный учитель, Гемер, в 1924 году так охарактеризовал своего бывшего ученика: «Гитлер был несомненно одаренным, хотя и односторонне.

Почти не умел владеть собой, был упрямым, самовольным, своенравным и вспыльчивым. Не был прилежным».

После смерти матери юноша остался без средств к существованию. Он жил в Вене, в столице многонациональной Австро-Венгрии, перебиваясь случайными заработками. Именно там, в Вене, Адольф увлекся националистическими идеями, черпая сведения о межнациональных отношениях из бульварных изданий.

В 1913 году Гитлер перебрался в соседнюю Германию, в Мюнхен, где его застала Первая мировая война. Адольф, который до этого уклонялся от службы в австрийской армии, поскольку не хотел служить в одной армии с чехами и евреями и воевать «за габсбургское государство», за германский рейх был готов умереть. Он, отреагировав на объявление войны с энтузиазмом, добровольно пошел в германскую армию и пробыл на Западном фронте все четыре года войны.

Как известно, Гитлер служил в 16-м резервном Баварском полку (который, по фамилии командира, называли полк Листа). 8 октября 1914 года Адольф присягнул на верность королю Баварии и императору Францу Иосифу. И в середине октября был отправлен на Западный фронт. Он принимал участие в битве на Изере, под

Ипром, участвовал в позиционной войне во Фландрии, в битве под Нав-Шапелем, под Ла Бассе и Аррасом. Уже в 1914 году его наградили Железным крестом II степени. Был дважды ранен, в 1917 году награжден крестом с мечами за боевые заслуги III степени, а также Железным крестом I степени — за доставку на артиллерийские позиции донесения в особо тяжелых условиях, чем спас немецкую пехоту от обстрела собственной артиллерией.

Согласно многим немецким источникам, Гитлер проявил себя на фронтах Первой мировой войны как осмотрительный и смелый солдат. Однако, существуют источники, опровергающие это убеждение: письма и дневники солдат полка Листа. В них Гитлер предстает замкнутым человеком и предметом насмешек.

Хотя утвердилось мнение, что ярый антисемитизм и ультранационализм Адольфа Гитлера был прямым следствием его участия в Первой мировой войне, новые исторические исследования показывают, что это не вполне так. Среди новых документов, ставящих под сомнение традиционные представления о том, как мировой конфликт повлиял на взгляды будущего диктатора — никогда ранее не публиковавшиеся письма и дневник ветеранов полка, в котором он служил. Эти сведения удалось разыскать доктору Томасу

Веберу, преподающему новую и новейшую историю в Абердинском университете и изучавшему архивы полка Листа. По утверждению Вебера, биографы Гитлера основывались на сведениях, распространявшихся самим фюрером и нацистской пропагандой: «Поскольку в годы Первой мировой войны он был простым солдатом, «пухлого досье» на него никто не составлял. А копать глубже эти авторы не стали». В Баварском военном архиве Т. Вебер обнаружил документы, которые до него никто не видел почти девяносто лет. Кроме того, ему удалось найти досье на членов НСДАП и проследить биографии евреев, служивших в полку Листа.

Эти документы опровергают созданный Гитлером миф о том, что для солдат полка Листа были характерны поголовная нетерпимость и антисемитизм, а сам он был «героем в их среде». Они также ставят под сомнение общепринятую версию, гласящую, что будущий фюрер воевал храбро: как выясняется, солдаты, служившие на передовой, считали его «тыловой крысой», обосновавшейся подальше от линии огня. Из писем также явствует, что однополчане потешались над Гитлером, говоря, что он и на консервном заводе умрет от голода, потому что не умеет даже вскрыть банку с тушенкой штыком. Для сослуживцев из полкового штаба он был нелюдимым, замкнутым

человеком, на которого практически не обращали внимания. Солдаты замечали, что в свободное время — когда все остальные писали письма домой или пили — Гитлер читал политическую литературу и рисовал, за что заслужил прозвища Художник и Живописец (что неудивительно, учитывая мечты Адольфа стать художником). Кроме того, по мнению товарищей, он пресмыкался перед начальством.

На фронте, как известно, Гитлер был связным, но Вебер утверждает, что прежде историки не проводили различия между связными из штаба полка, не подвергавшимися особой опасности, и ротными или батальонными связными, которым приходилось доставлять донесения в окопы под огнем. Будущий фюрер относился к первой категории: он служил в штабе полка, в нескольких милях от передовой, и жил в относительно комфортабельных условиях.

В письмах с фронта Алоис Шнельдорфер, тоже служивший в штабе полка Листа, так рассказывал родителям о своих обязанностях: «сйжу в кресле и делаю звонки — как телефонная барышня». Он также подтверждает мнение фронтовиков, что штабные снабжались лучше, чем «окопники»: «Я могу выпить литр пива, устроившись под тенистым каштаном».

А о знаменитой награде Гитлера — Железном кресте I степени, которым нижних чинов награждали очень редко — Вебер говорит: этот орден зачастую получали как раз те, кто непосредственно контактировал со старшими офицерами, то есть штабные, а не солдаты боевых подразделений. Была ли редкой или уникальной эта награда? Свидетельствует ли она о ратных подвигах Гитлера?

Учрежденный Фридрихом Вильгельмом III 10 марта 1813 года за боевые отличия в войне за освобождение Германии от Наполеона, Железный крест был первой европейской наградой, которая вручалась вне зависимости от звания или сословия, но только за боевые подвиги, что повысило ее популярность. С 1813-го по 1918 год существовало четыре степени ордена и награждение происходило последовательно от низшей степени к высшей. Орден возобновлялся с каждой новой войной, а в нижней части креста всегда указывался год учреждения данной версии ордена: 1813, 1870, 1914 или учрежденный Адольфом Гитлером в день нападения на Польшу — 1 сентября 1939-го. Причем, если до 1939 года на кресте располагались инициалы (в 1813 году — короля Фридриха Вильгельма III (FW), в 1871-м — кайзера Вильгельма I, а в 1914-м — кайзера Вильгельма II), то Адольф Гитлер при восстановлении ордена

вместо своих инициалов приказал добавить в центр ордена свастику, чтобы показать, что эта награда национал-социалистического государства. В начале Первой мировой войны, 5 августа 1914 года, германский император Вильгельм II вновь восстановил орден, однако во время войны орден вручался так часто, что это отрицательно отразилось на его высоком статусе. Надо также отметить, что в Первую мировую войну Железным крестом могли быть награждены, наряду с подданными всех немецких государств, входящих в Германскую империю, подданные союзных с ней государств — Австро-Венгрии, Болгарии, Турции. За заслуги в Первой мировой войне Железным крестом II степени было награждено около 5 млн 200 тысяч человек. То есть награда, полученная Гитлером, отнюдь не была уникальной, более того, она была весьма распространена.

Что же касается Железного креста I степени, то некоторые историки полагают, что Гитлер получил только Железный крест II степени, о чем имеются однозначные свидетельства, а вот Железный крест I степени он носил, не имея на это права! Другая группа историков считает, что Гитлер все-таки был награжден Железным крестом I степени, но в официальной биографии фюрера этот факт опускали, поскольку наградили его этим

орденом по представлению еврея Гуго Гутмана, адъютанта командира полка.

Т. Вебер также полагает, что эта версия, подкрепленная историческими материалами, в частности, дневником одного из солдат полка Листа, кстати, еврея по национальности — наиболее соответствует исторической реальности. Так в этом дневнике однозначно указывается на то, что антисемитизм в этой части распространен не был. И к Железному кресту Гитлера действительно представил полковой адъютант — еврей Гуго Гутман. Историк Вебер установил и еще один факт: в 1937 году Г. Гутмана арестовало гестапо, но именно ветераны полка Листа спасли его от гибели! Гутман, в частности, упоминает тюремного охранника, помогавшего ему, рискуя головой. Бывший адъютант поясняет: «Будучи добрым католиком, он презирал нацистов». Другой бывший однополчанин помог Гутману бежать в Америку...

Вебер также нашел данные, говорящие о том, что «вопреки утверждениям всех биографов Гитлера, после окончания Первой мировой ветераны полка Листа отнюдь не оказывали ему единомышленной поддержки». В частности, в не публиковавшейся никогда открытке, относящейся к 1934 году, один поклонник фюрера жалуется, что в 1922 году однополчане отказывались с ним общаться. К тому же лишь немногие из

фронтовиков, служивших в полку Листа, вступили в нацистскую партию, хотя несколько человек из бывших штабных сделали в ней неплохую карьеру.

Это позволило Веберу сделать вывод о том, что крайне националистические и антисемитские взгляды Гитлера, во многом сформировались в результате послевоенного и послереволюционного политико-экономического кризиса в Германии.

Итак, Адольф Гитлер четыре года пробыл на войне, служил в штабе полка связным в чине ефрейтора, так и не стал офицером, но действительно принимал участие в военных действиях. 15 октября 1918 года последовало отравление газом под Ла Монтень в результате взрыва рядом с ним химического снаряда, что вызвало поражение глаз и даже временную потерю зрения. Он проходил лечение в баварском полевом лазарете в Уденарде, а затем в прусском тыловом госпитале в Пазевальке. Находясь на излечении в госпитале, Гитлер и узнал о капитуляции Германии и свержении кайзера, что стало для него большим потрясением.

Германия потерпела сокрушительное поражение, принять которое Гитлер не мог. Он полагал, как и многие немцы тогда, что в поражении виновны внутренние враги Германии — марксисты и евреи. Известно, что «поиск виновных в поражении» был характерен для политической

ситуации послевоенной Германии. Была создана специальная следственная комиссия рейхстага, которая занималась поиском ответственных за развязывание войны в 1914-м и поражение в 1918 году. Исследовались причины революционных настроений в армии и особенно — на флоте, так как именно кочегары и матросы своим революционным выступлением в конце октября 1918 года начали германскую революцию. Перед комиссией пришлось отчитываться о собственных действиях даже прославленному военачальнику (и, впоследствии — рейхсканцлеру Германии, с 1925-го по 1934 год) Паулю фон Гинденбургу. На заседании комиссии Гинденбург не признал себя виновным в поражении Германии, более того, по его словам, весной-летом 1918 года в ходе весеннего наступления Германия была близка к победе — и лишь предательское поведение немецкого общества привело к катастрофе. Эта речь Гинденбурга немало поспособствовала распространению пропагандистской легенды об «ударе в спину», ставшей популярной в Германии после Первой мировой войны и широко использовавшейся в пропаганде Третьего рейха.

После поражения в Первой мировой войне Германия, как и другие страны Европы, была охвачена пожаром революции. Гитлер, а вместе с ним сотни тысяч других солдат вернулись домой.

Гитлер принял участие в работе следственной комиссии, занимавшейся «чисткой» 2-го пехотного полка, выявляя «смутьянов» и «революционеров». А 12 июня 1919 года его откомандировали на краткосрочные курсы «политического просвещения», которые функционировали в Мюнхене. Гитлер составлял списки солдат и офицеров, причастных к апрельскому восстанию рабочих и солдат в Мюнхене, собирал сведения о всевозможных организациях и партиях на предмет их мировоззрения, программ и целей.

Правящие круги Германии были до смерти напуганы революционным движением. В стране появились десятки милитаристских и реваншистских союзов и партий, зачастую «засекреченных». 12 сентября 1919 года Гитлер отправился на собрание в пивную «Штернеккерброй» на собрание небольшой группы, называвшейся Немецкой рабочей партией, платформа базировалась на идеях шовинизма, ненависти к Версальскому договору, а также антисемитизме. Гитлер выступил на этом собрании и имел успех. Руководитель партии Антон Дрекслер предложил ему вступить в НРП, и Гитлер принял это предложение. Гитлер вступил в партию: в списке он стоял под номером 55, а позже под номером 7 вошел в ее исполнительный комитет.

Гитлер со всем пылом бросился завоевывать популярность для партии Дрекслера хотя бы в пределах Мюнхена. Осенью 1919 года он трижды выступал на многолюдных собраниях. В феврале 1920 года снял в пивной «Хофброй-хауз» так называемый парадный зал и собрал 2000 слушателей. Речи Гитлера привлекали рабочих, ремесленников и людей, не имевших постоянного места работы, словом, всех тех, кому жилось трудно. В конце 1920 года в партии числилось уже 3000 человек. На занятые деньги партия купила разорившуюся газету под названием «Фёлькишер беобахтер», что в переводе означает «Народный наблюдатель».

Гитлер демобилизовался из армии и приложил немало усилий для того, чтобы стать лидером НРП. Он посвящал все свое время становлению партии. Условия для этого в Германии той поры были самые благоприятные: в обществе царил крайнее недовольство экономическим положением и лютая ненависть к победившему противнику. Идеи, которые Гитлер вынашивал еще в Вене и которым придавал особое значение, он выразил в 25 пунктах своей программы, обнародованной 24 февраля 1920 года: антисемитизм, крайний национализм, превосходство арийской расы, презрение к либеральной демократии и принцип фюрерства. Программа была разработана таким образом, что

могла привлечь каждого, у кого был хотя бы малейший повод для недовольства. Конечно, большинство идей Гитлера не отличались новизной, но он умел преподносить их чрезвычайно красноречиво.

Гитлер придумал новое название для партии — Национал-социалистическая рабочая партия Германии (National-sozialistische Deutsche Arbeiterpartei), сокращенно — НСДАП. Отсюда же появился и термин «нацизм» — производное от «национал-социализм». Он дал нацистской партии символ — свастику и приветствие «Хайль!», позаимствовав и то и другое у своих исторических предшественников. Газета «Фёлькишер беобахтер» широко пропагандировала партийные взгляды. Для охраны партийных сборищ были организованы штурмовые отряды коричневорубашечников — СА (Sturmabteilung), ими командовал ближайший друг Гитлера капитан Эрнст Рём. Другая организация — СС (Schutzstaffel), чернорубашечники, стала личной гвардией Гитлера, основанной на строжайшей дисциплине, члены которой клялись сражаться за своего фюрера до последней капли крови.

В январе 1921 года ораторский талант Гитлера стал привлекать все больше слушателей, и он снял помещение цирка Кроне, где выступил перед аудиторией в 6500 человек. Вскоре Гитлер избавился от основателей партии, получив пост

первого председателя с диктаторскими полномочиями и изгнав Дрекслера и Шарера. Взамен коллегиального руководства в партии официально был введен принцип фюрерства. На место Шюсслера, занимавшегося финансовыми и организационными вопросами, Гитлер посадил своего человека — Амана, бывшего фельдфебеля в его части.

При агитации Адольф Гитлер использовал довольно популярную пропагандистскую легенду «удара в спину» (вспомним утверждение Гинденбурга), согласно которой германская армия и флот потерпели поражение в Первой мировой войне только потому, что им нанесли «удар в спину» внутренние враги и предатели: социал-демократы, либералы и особенно евреи, которых Гитлер называл «ноябрьскими преступниками», поскольку именно в ноябре началась революция, охватившая всю Германию, и 9 ноября 1918 года кайзер Вильгельм II был вынужден отречься от престола и бежать из страны, а власть перешла к представителям социал-демократической партии (СДПГ). Эта революция формально завершилась 11 августа 1919 года провозглашением Веймарской республики.

Нацистская пропаганда твердила о нанесенном стране «ударе в спину» как единственном источнике всех политических и

экономических проблем Германии. Эта теория легко воспринималась немецкими обывателями, так как давала возможность переложить вину и ответственность за поражение на других. Так Веймарская республика и демократия постепенно стали отождествляться в немецком массовом сознании именно с проигрышем в войне. Гитлер постоянно разжигал в массах чувство негодования и обиды, и это помогало ему подготовить почву для захвата власти в стране.

Само выражение «удар в спину» впервые появилось в газете «Нойе Цюрхер Цайтунг» 1 декабря 1918 года в репортаже из Англии: «То, насколько германская армия имеет отношение к основной проблеме [поражение в Первой мировой войне], можно определить следующими словами: это был удар в спину со стороны гражданского населения». Однако уже упоминавшаяся выше специальная комиссия рейхстага, которая расследовала причины поражения Германии в 1918 году, пришла к выводу, что «удар в спину» — слишком простое и не соответствующее действительности объяснение поражения. В докладе генерала Германа фон Куля говорилось: «Мы стали жертвой по многим причинам. Нет сомнения в том, что имело место пацифистское, интернациональное, антимилитаристское и революционное разложение армии, которое нанесло

ей немалый вред». Также в докладе отмечалось, что революция буквально уничтожила армию с тыла, дезорганизовывала линии связи, препятствовала отправке снаряжения и полностью, разрушила порядок и дисциплину. Таким образом, революция сделала дальнейшее сопротивление невозможным и вынудила принять любые условия прекращения огня. И хотя председатель специальной комиссии, Альбрехт Филипп, полагал, что «принимая во внимание толкование выражения «удар в спину», было бы лучше вообще не использовать этот термин», такое объяснение поражения, по сути — теория заговора, было крайне распространено среди представителей высшего военного командования Германии, снимавшего с них вину за поражение в Первой мировой войне, и использовалось для пропаганды не только Адольфом Гитлером, но и другими правыми экстремистскими организациями и партиями в пропаганде против Версальского договора, Веймарской республики и Веймарской конституции.

К концу 1923 года Гитлер убедился, что Веймарская республика находится на грани краха, и что именно сейчас он мог бы осуществить обещанный им «марш на Берлин» и свергнуть правительство «еврейско-марксистских предателей». При поддержке армии он собирался подчинить Германию нацистскому контролю.

Гитлер посвятил в свои планы известного в народе и армии генерала Эриха Людендорфа, ветерана Первой мировой войны, крайнего реакционера и милитариста. Гитлер и Людендорф попытались воспользоваться неопределенностью политической ситуации и организовали в Мюнхене 8 ноября 1923 года попытку государственного переворота (так называемый «пивной путч»), чтобы оказать давление на баварское правительство и вынудить командующего местными частями рейхсвера провозгласить национальную революцию. Взяв в заложники посетителей пивного зала, Гитлер в диком возбуждении вскочил на стул, выстрелил из пистолета в потолок и объявил революцию: «Или завтра будет найдено национальное правительство для Германии, или нас найдут мертвыми!» На следующий день нацисты маршем прошли по улицам Мюнхена, направляясь к зданию Военного министерства, но их встретили полицейские кордоны, которые открыли огонь и разогнали колонну. Путч провалился. Эту попытку государственного переворота в шутку называли тогда «пивным путчем», поскольку решение о нем было принято в пивной.

Дорога к власти

В феврале 1924 года Гитлера судили по обвинению в государственной измене. Он воспользовался представившейся возможностью и превратил процесс в пропагандистское шоу на суде. Гитлер продемонстрировал блестящие ораторские способности, исполняя роль собственного адвоката. Он с жаром утверждал: «Моя позиция такова: я предпочитаю быть повешенным в большевистской Германии, чем погибнуть под французским мечом». Процесс, который вызвал широкий общественный резонанс, способствовал утверждению идей нацизма. Наступил момент, когда стоявшие на улицах под флагами со свастикой толпы начали объединяться с теми, кто еще недавно стрелял в них. Роты превращались в батальоны, батальоны в полки, полки в дивизии. На суде Гитлер утверждал: «Даже если вы тысячу раз признаете нас виновными, вечный суд истории оправдает нас и со смехом выбросит вердикт вашего суда».

Процесс начался 26 февраля. Зарубежные корреспонденты, а также журналисты ведущих германских газет съехались в Мюнхен, чтобы освещать ход этого дела. Хотя самым известным из десяти подсудимых был Людендорф, Гитлеру сразу удалось привлечь к себе всеобщее внимание. До самого конца процесса он занимал в зале суда

доминирующее положение, поражая немцев своим красноречием и страстной верой в национализм, его фамилия не сходила со страниц газет всего мира.

Уже на этом судебном процессе ярко проявился фанатизм Гитлера. После Второй мировой войны многие исследователи стали утверждать, что фюрер был психически больным человеком, возможно — даже маньяком, психиатры из разных стран приписывали ему всевозможные психические расстройства. Но был ли Гитлер действительно сумасшедшим? Сложный вопрос. Обратимся к свидетельствам обследовавших его врачей.

В 1914 году Адольфа Гитлера, когда он изъявил желание отправиться добровольцем на фронт в составе Баварского полка, осматривала врачебная комиссия, которая не обнаружила у молодого добровольца никаких заболеваний.

После подавления «пивного путча» (и уже после перенесенных потрясений Первой мировой войны, полученных на фронте ранений и легкой контузии) Адольфа Гитлера по решению суда несколько раз достаточно тщательно обследовали немецкие психиатры. Причем обследовали не только фюрера, но и ряд его ближайших сподвижников. Никаких психических заболеваний немецкие врачи у них не обнаружили: всех их признали полностью вменяемыми и способными

отвечать за свои поступки. Однако судебные медики специально подчеркивали, что вызывающе хамское поведение подсудимых в общественных местах и в зале суда связано с их низким уровнем культуры и господствующей в среде национал-социалистов идеологией. Врачи также отмечали и наличие аномалий — практически незаметных неспециалистам нарушений, которые постоянно находятся на границе нормы и аномалии. В чем же проявлялись эти аномалии? Практически во всем: в образе мышления, поведенческих аспектах, системе ценностных ориентаций, проповедуемых ими взглядах и идеях, а также в способах, которыми они старались довести эти взгляды и идеи до широких масс.

Исследуя медицинское досье Гитлера уместнее говорить не о каком-либо психическом заболевании (или комплексе психических заболеваний), а скорее о случае уродливого сочетания в одной личности чисто человеческих, далеко не всегда самых приятных качеств, то есть о некотором расстройстве личности. По свидетельствам людей, знавших Адольфа Гитлера с детства, он еще в юном возрасте отличался крайним индивидуализмом, эгоизмом, склонностью к самолюбованию и некоторым цинизмом. И не удивительно, что под влиянием определенных социальных условий (внимания публики,

полученной власти) эти черты стали лишь усиливаться.

Однако оставим вопрос о здоровье Адольфа Гитлера (в том числе — психическом), и вернемся к его поведению на судебном процессе. Как отмечают свидетели этого громогласного процесса, Гитлер проявил себя как умелый оратор. Он понимал, что судебный процесс, освещаемый германской и международной прессой, может стать удобной платформой для пропаганды его взглядов. Можно ли при этом было назвать Гитлера фанатиком? Еще один сложный вопрос, ибо крайне сложно отделить убежденность от фанатизма.

Фанатизм определяется как безоговорочное следование религиозным, национальным или политическим убеждениям, доведенная до крайности приверженность каким-либо идеям, верованиям или воззрениям, обычно сочетающаяся с нетерпимостью к чужим взглядам и убеждениям. Одним из признаков фанатизма является отсутствие критического восприятия своих убеждений. Фанатизм, по сути, — это социально-психологический феномен, характеризующий личностную позицию человека и его систему отношений с социальными группами. Для фанатика характерно резкое неприятие тех, кто не разделяет его позицию, установки, представления и убеждения. Фанатизм укрепляет

межгрупповые границы и формирует жесткое противопоставление и противостояние «мы» и «они». Знаменитый психолог Э. Эриксон отмечал, что фанатизм особенно обостряется в ситуации резких исторических и экономических перемен. Ситуация, сложившаяся в мире после Первой мировой войны, способствовала становлению фанатических и тоталитарных режимов, поскольку многие люди в поисках опоры в меняющемся мире, в поисках защиты от угроз испытывают желание «...поддаться тоталитарной и авторитарной иллюзии целостности, заданной заранее, с одним лидером во главе единственной партии, с одной идеологией, дающей простое объяснение всей природе и истории, с одним безусловным врагом, который должен быть уничтожен...»

В своих выступлениях Адольф Гитлер опирался как раз на такие настроения, давал простое объяснение политической ситуации и предлагал бескомпромиссное решение по выходу из этой ситуации, и это способствовало массовому распространению его идей. В своей дальнейшей политической жизни Гитлер приложил много усилий для формирования массового фанатизма, в том числе у молодежи, ибо «только фанатичная толпа легко управляема». Фюрер, как отмечает Э. Эриксон, «старался заменить сложный конфликт отрочества, мучивший каждого немца, простым

шаблоном гипнотического действия и свободы от размышлений», он создал организацию, систему воспитания и девиз, которые бы отводили всю юношескую энергию в национал-социализм. Девизом «Гитлерюгенд» было изречение: «Молодежь выбирает свою собственную судьбу». Но эта судьба была связана с Гитлером: «В этот час, когда земля посвящает себя солнцу, у нас только одна мысль. Наше солнце — Адольф Гитлер». Нацисты твердили: «Пусть всё погибнет, мы будем идти вперед. Ибо сегодня нам принадлежит Германия, завтра — весь мир».

Гитлер обладал почти магическим даром убеждения — многие из тех, кто бывали на его выступлениях, стали разделять его взгляды. Так капитан Трумэн Смит, состоявший помощником военного атташе при американском посольстве в Берлине, в ноябре 1922 года был командирован в Мюнхен, чтобы навести справки о малоизвестном тогда политическом деятеле по имени Адольф Гитлер. Смиту удалось встретиться с Людендорфом, кронпринцем Рупрехтом и еще с десятком политических деятелей Баварии, которые сообщили капитану, что Гитлер — восходящая звезда, что его движение стремительно набирает силу. Смит также побывал на одном из нацистских сборищ, где выступал Гитлер. В своем дневнике он писал: «Ничего подобного в жизни я не видел.

Встретился с Гитлером, и он обещал побеседовать со мной в понедельник и изложить задачи партии». 22 ноября 1922 года, после встречи с Гитлером он записал: «Потрясающий демагог. Редко приходилось встречать столь последовательную и фанатичную личность». В 1935 году английский посол в Берлине сэр Эрик Фипс утверждал, что «Гитлер — фанатик, он не удовлетворится ничем, кроме доминирования в Европе».

Благодаря своему красноречию, Гитлеру на мюнхенском процессе удалось обратить поражение в победу и перед лицом общественности переложить вину на Кара, Лоссова и Сейсера.

Судебные чиновники снисходительно отнеслись к поведению обвиняемого в суде — об этом позаботился Франц Гюртнер, министр юстиции Баварии (в 1922–1932 годах), который, хотя и не являлся членом нацистской партии, всегда симпатизировал нацистскому движению. Именно он добился снисхождения судей, а затем и сравнительно мягкого наказания для участников «пивного путча». Надо заметить, что Гюртнер покровительствовал Гитлеру не только в суде: потом он содействовал освобождению Гитлера из тюрьмы Ландсберга и убедил правительство Баварии легализовать нацистскую партию, а также разрешить Гитлеру выступать публично. А в июне 1933 года Гюртнер, который был министром

юстиции в правительстве фон Папена, занял этот же пост в первом правительстве Гитлера. После «ночи длинных ножей» по инициативе Гюртнера было принято постановление, объявлявшее действия Гитлера «справедливыми, направленными на защиту государства».

Ну а во время суда в 1923 году Гитлеру разрешалось прерывать выступающих так часто, как он того хотел, вести перекрестный допрос свидетелей и выступать в любое время и как угодно долго. Его вступительная речь продолжалась четыре часа!

Гитлер провозглашал: «Я один несу за все ответственность. Но это вовсе не означает, что я — преступник. Если меня судят здесь как революционера, то я и являюсь революционером, борющимся против революции 1918 года. А по отношению к тем, кто выступает против предателей, нельзя выдвигать обвинение в государственной измене».

Генерал фон Лоссов пытался уличить Гитлера в популизме. Он говорил: «До чего докатился этот беспринципный демагог, хотя не так давно он заявлял, что хотел бы быть «барабанщиком» патриотического движения». На что Гитлер ответил: «Сколь низменны мысли маленьких людей! Поверьте, я не рассматриваю получение министерского портфеля как нечто желанное. Я не

считаю достойным великого деятеля пытаться войти в историю, став каким-то министром. Существует опасность быть захороненным рядом с другими министрами. С самого начала моя цель в тысячу раз превосходила желание сделаться просто министром. Я хотел стать искоренителем марксизма. Я намерен достичь этой цели, и, если я добьюсь ее, должность министра применительно ко мне будет нелепой. <...> Я хотел стать барабанщиком не из скромности. В этом было мое высочайшее предназначение, остальное не имело смысла». А когда его обвинили в том, что он из барабанщика хотел сразу делаться диктатором, он этого не отрицал: «Человека, рожденного быть диктатором, не принуждают стать им! Он желает этого сам. Его не двигают вперед, он движется сам! Ничего нескромного в этом нет. Разве нескромно рабочему браться за тяжелую работу? Разве предосудительно человеку с высоким лбом мыслителя думать и мучиться по ночам, пока он не подарит миру свое открытие? Тот, кто ощущает, что призван вершить судьбами народа, не вправе говорить: «Если вы позовете меня, я буду с вами». Нет! Долг его в том, чтобы самостоятельно сделать первый шаг».

Несмотря на то, что участников путча обвиняли в государственной измене, Гитлер в суде не только не отрицал намерения изменить

государство, но и изложил свое видение устройства нового нацистского государства. Он полагал, что прежде всего необходимо, чтобы на этот раз германская армия была заодно с ними, а не против: «Я верю, что придет время, когда люди, стоящие сегодня на улице под нашим знаменем со свастикой, объединятся с теми, кто стрелял в них... пробьет час, когда и офицеры, и рядовые рейхсвера перейдут на нашу сторону». Он утверждал: «Созданная нами армия растет изо дня в день... Я с гордостью и надеждой вынашиваю планы, что наступит час, когда эти, еще и несформированные роты станут батальонами, батальоны — полками, а полки — дивизиями, когда старые кокарды извлекут из грязи и старые знамена будут развеиваться на ветру, тогда и произойдет примирение наших рядов на фоне посланного нам Всевышним последнего испытания, которое мы с готовностью встретим».

После дебатов суд вынес приговор. Людендорфа оправдали. Гитлера и других подсудимых признали виновными, но назначили очень мягкое наказание. А ведь в статье 81 Уголовного кодекса Германии говорилось, что «любое лицо, пытающееся силой изменить конституцию германского рейха или одной из земель Германии, наказуемо и приговаривается к пожизненному заключению». Гитлера приговорили

к пяти годам лишения свободы в крепости Ландсберг. Однако и такой приговор сторонники Гитлера посчитали слишком суровым, что заставило председательствующего заверить публику в том, что узника освободят на поруки после того, как он отсидит в крепости шесть месяцев.

Благодаря путчу Гитлер приобрел общенациональную известность и в глазах многих выглядел патриотом и героем. Недаром нацистская пропаганда рассматривала путч как великий этап развития нацистского движения. И ежегодно после прихода к власти (даже после начала Второй мировой войны) фюрер приезжал в Мюнхен, чтобы вечером 8 ноября выступить в пивном зале перед «старыми борцами». В 1935 году Гитлер, будучи рейхсканцлером, распорядился вырыть тела шестнадцати нацистов, погибших в непродолжительной перестрелке с полицией, и поместить их в саркофаги в Фельдхерн-халле, ставшем национальной святыней.

Итак, несмотря на неудачу путча, популярность судебного процесса, за ходом которого следили в обществе, принесла Гитлеру «политические дивиденды». Сам же Гитлер пришел к важным политическим выводам: крайне необходимо, чтобы движение нацизма пришло к власти легальными способами.

Гитлер отбывал заключение в Ландсбергской тюрьме — исправительном учреждении в городе Ландсберг-на-Лехе в Баварии. В этой тюрьме, построенной в 1910 году, отбывали наказание и некоторые другие участники «пивного путча», в том числе Рудольф Гесс и Штрассер.

Фюрер провел в тюрьме Ландсберга 9 месяцев, причем ему предоставили удобную камеру, в которой он мог принимать посетителей. Гитлер завтракал в постели, выступал перед товарищами по камере и гулял в саду — все это больше напоминало санаторий, чем тюрьму.

Примечательно, что после победы союзников во Второй мировой войне, в Ландсбергской тюрьме, переименованной в Тюрьму для военных преступников № 1 и находившейся под контролем американских оккупационных властей, содержались признанные виновными в военных преступлениях и преступлениях против человечности нацисты (более полутора тысяч человек). Тут также проводились в исполнение и смертные приговоры нацистским вождям. Как это было непохоже на «заключение» Гитлера!

В заключении Гитлер надиктовал текст первого тома «Майн кампф» («Моя борьба»): сначала — своему охраннику, соратнику, шоферу и другу Эмилю Морису, а позже, в июле 1924 года, Рудольфу Гессу. Так была создана книга, которая

стала политической библией нацистского движения и, безусловно, является одной из самых знаменитых книг XX века.

В этой книге Гитлер изложил историю своей жизни, свою философию и проект программы, которую он намечал осуществить в Германии. Лейтмотивом книги был социальный дарвинизм: и личности, и нации являются субъектами продолжающейся борьбы за выживание. В книге было четко выражено расистское мировоззрение автора. Гитлер утверждал, что арийская раса со светлыми волосами и голубыми глазами стоит на вершине человеческого развития. Он призывал к борьбе за чистоту арийской расы и дискриминацию остальных. Также в ней утверждалась и идея о необходимости завоевания «жизненного пространства («лебенсraum») на Востоке». По мнению Гитлера, расовому превосходству немцев угрожали евреи, марксисты, большевики и либералы, а Германия вновь сможет стать великой, если поведет безжалостную войну против своих внутренних врагов. Нацистское движение должно было заложить стратегию для будущего мирового господства.

«Майн кампф» — отнюдь не занимательное чтение, напротив, это довольно скучное и многословное сочинение, но, несмотря на литературные недостатки произведения, книга

вскоре приобрела широкую известность. Первый том издали в 1925 году. Это была книга объемом четыреста страниц и стоила двенадцать марок (или три доллара) — почти вдвое дороже большинства книг, выпускаемых в то время в Германии. Несмотря на высокую стоимость и сложный стиль, в 1925 году было продано 9 тысяч 473 экземпляра, в последующие годы количество проданных книг сокращалось. Когда же в 1930 году на прилавках появилось недорогое однотомное издание «Майн кампф» за восемь марок, продажа книг возросла до 54 тысяч 86 экземпляров, а в 1932 году достигла 90 тысяч 351 экземпляра.

К 1939 году «Майн кампф» была переведена на 11 языков, общий тираж составил более 5,2 млн экземпляров, а гонорар за нее сделал Гитлера богатым человеком. Гонорары Гитлера были основным источником его доходов и начиная с 1925 года составляли значительную сумму. Но ее все же нельзя сравнивать с тем доходом, который Гитлер стал получать с 1933 года, когда стал рейхсканцлером. За первый год пребывания Гитлера у власти продали миллион экземпляров «Майн кампф», и доходы фюрера от гонораров превысили миллион марок (примерно 300 тысяч долларов)! Гитлер начал самым состоятельным автором в Германии и впервые почувствовал себя миллионером. В период нацистского правления ни

одна книга, за исключением Библии, не продавалась в таких количествах, как «Майн кампф». Считалось, что в каждой семье должен быть хотя бы один экземпляр этой книги, и она должна стоять на почетном месте. Полагалось практически обязательным дарить «Майн кампф» жениху и невесте к свадьбе, а школьникам — к окончанию школы. К 1940 году только в Германии было продано 6 миллионов экземпляров книги.

Понятно, что «Майн кампф» стала популярной не в связи с ее литературными достоинствами, а благодаря нарастающей популярности нацизма. Если в 1920-х годах идеи нацизма разделяло несколько тысяч человек, то в годы экономического кризиса 1929–1933 годов Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП), приобретала все больше сторонников. И хотя провал путча 1923 года вызвал временный роспуск нацистской партии, освобожденный по амнистии из тюрьмы в декабре 1924 года Гитлер принялся за восстановление своего движения. В этом ему помогали его ближайшие соратники: Пауль Йозеф Геббельс и капитан Герман Геринг.

«Гений создает мир»

С 1924 года, после выхода из заключения, Гитлер занялся весьма непростым делом — завоеванием поддержки масс. Прежде всего необходимо было сделать политический выбор между своими сторонниками в Берлине — левыми социалистами, которых возглавлял Грегор Штрассер, и правыми националистами в Мюнхене. На состоявшейся в феврале 1926 года партийной конференции (Бамбергском партийном съезде) Гитлер перехитрил Штрассера, лишив его какого бы то ни было влияния на крепнущее нацистское движение. Ему удалось казалось бы недостижимое — силой ораторского искусства он привлек на свою сторону и правых и левых.

Выступления Гитлера были обращены к малообеспеченным слоям населения, особенно страдавшим от экономической депрессии. В то же время настойчивость, с которой он продвигался к власти, отныне используя только законные методы, принесла ему популярность как среди националистов, так и среди военных и консерваторов.

Гитлер проявил удивительное понимание сути массовой психологии, а также готовность сотрудничать с правыми консерваторами. И это послужило мощным стимулом продвижения

Гитлера к вершинам политической власти. К 1930 году Гитлер стал бесспорным лидером националистического движения. Это способствовало не только популярности партии, но стало и залогом ее финансового обеспечения: в партийную казну потекли средства от богатых рейнландских промышленников, которые увидели в Гитлере надежную гарантию от надоевших профсоюзов и коммунистов. Новый лидер обретал все большую поддержку как со стороны буржуазии, так и со стороны недовольных рабочих; и тем и другим он твердо обещал освобождение и защиту от грабежа со стороны еврейских финансовых магнатов.

На выборах в рейхстаг в 1928 году нацисты получили только 12 мест, в то время как коммунисты — 54. В 1929-м, с началом экономической депрессии, Гитлер образовал союз с националистически настроенным Альфредом Хугенбергом, чтобы противостоять репарационному «плану Юнга». Через контролируемые Хугенбергом газеты Гитлер с самого начала имел возможность обращаться к широкой национальной аудитории. Кроме того, у него появилась возможность общаться с огромным числом промышленников и банкиров, которые без труда обеспечили его партии прочную финансовую поддержку. На выборах 1930 года НСДАП

завоевала более 6 млн голосов и получила 107 мест в рейхстаге, став второй по величине партией в стране (правда, и число представителей коммунистов возросло до 77).

После того как 25 февраля 1932 года к Германии присоединился Брауншвейг, Гитлер решил испытать силу своей партии в борьбе за президентское кресло. Престарелый Пауль фон Гинденбург — герой Первой мировой войны и талантливый политический деятель — имел поддержку среди социалистов, католиков и лейбористов. Другими кандидатами были армейский офицер Теодор Дуйстерберг и лидер коммунистов Эрнст Тельман. Гитлер провел мощную предвыборную кампанию и завоевал свыше 30 % голосов, лишив тем самым Гинденбурга абсолютного большинства. На заключительном этапе выборов, 10 апреля 1932 года, Гинденбургу все же удалось вернуть себе победу с 53 % голосов. На выборах в рейхстаг в июле того же года нацисты завоевали уже 230 мест и превратились в крупнейшую политическую партию Германии.

Тем временем политическая ситуация в стране ухудшалась. Канцлер Генрих Брюнинг в ситуации тяжелого экономического кризиса был вынужден прибегнуть к жестким экономическим мерам. Это, как оказалось, ошибочное решение и расчистило

дорогу диктатуре. 30 мая 1932 года Гинденбург отстранил Брюнинга от должности. Началась ожесточенная закулисная политическая борьба между восточным юнкерством, богатыми промышленниками запада и офицерским корпусом рейхсвера. Представители этих трех групп занимали ключевые посты в правительстве, которое возглавлял вначале Франц фон Папен, а затем генерал Курт фон Шлейхер, сторонник военной диктатуры. Приходу к власти нацистов поспособствовал фон Папен, который заключил политический союз с Гитлером. Они тайно встретились 4 января 1933 года и договорились бороться за образование такого кабинета, где Гитлер стал бы канцлером, а союзники фон Папена заняли ключевые министерские посты. Одним из условий союза было устранение с политической арены социал-демократов, коммунистов и евреев. Гитлер пообещал отказаться от социалистической части своей программы, а фон Папен заверил, что добьется крупных субсидий от промышленников для поддержки Гитлера. Оставалось только завоевать расположение президента Гинденбурга. Но и эта задача была выполнена, и 30 января 1933 года Гинденбург, правда с большой неохотой, провозгласил Гитлера канцлером Германии в коалиционном правительстве, но отказал ему в чрезвычайных полномочиях. Итак, Гитлер добился

своей цели без путчей и революций, используя политические интриги, но все-таки конституционным путем.

Оказавшись у власти, он рьяно принялся создавать и укреплять в стране абсолютную диктатуру. Поскольку абсолютного большинства в рейхстаге Гитлер пока не имел, он заручился согласием Гинденбурга на новые выборы. Стремясь укрепить собственное положение за счет коммунистов, он стал кричать об опасности красного террора. Поджог рейхстага в ночь на 27 февраля 1933 года стал тем необходимым предлогом для устранения своих политических противников, который подготовил почву для установления в Германии тоталитаризма.

Были ли нацисты виновны в поджоге рейхстага? Хотя формально поджог был делом рук слабоумного 24-летнего голландского бродяги Маринуса Ван дер Люббе, бывшего одно время членом коммунистического клуба в Голландии, кажется очевидным, что нацисты сами устроили пожар, свалив вину на коммунистов. Позднее было установлено, что группа штурмовиков проникла в здание рейхстага, воспользовавшись тоннелем, ведущим от штаб-квартиры Геринга, облила занавески и ковры какой-то легко воспламеняющейся жидкостью, а затем привела туповатого голландца экс-коммуниста, который и

устроил пожар. Однако вопрос об ответственности за поджог рейхстага до сих пор остается предметом споров историков.

Как бы там ни было: нацисты или кто другой поджег рейхстаг — Гитлеру это пошло только на пользу, поскольку дало повод разгромить своих политических противников. Выборы 5 марта 1933 года позволили нацистам увеличить свое представительство в рейхстаге со 196 до 288 депутатов, а общее число полученных голосов — до 44 % от общего числа избирателей. А если учесть поддержавших его националистов, то Гитлер получил заветные 52 %, т. е. большинство.

Одним из поворотных моментов в истории Германии стало принятие 24 марта 1933 года рейхстагом чрезвычайного Закона о защите народа и рейха. В пяти кратких пунктах содержалась отмена законодательных прав рейхстага, включая контроль за бюджетом, внесение конституционных поправок и ратификацию договоров с иностранными государствами и передача их на четырехлетний срок имперскому правительству. Началось усиление нацистской диктатуры. Не прошло и нескольких месяцев, как другие партии, все до одной, были запрещены, нацистские штатхальтеры осуществляли контроль в германских землях, профсоюзы были распущены, а все население оказалось вовлеченным в находящиеся

под нацистским контролем бесчисленные союзы, группы и организации.

Гитлер укреплял свою власть с помощью тщательно продуманной системы террора. Тех, кто пытался протестовать против подобного правления, избивали или убивали, арестовывали и бросали в тюрьмы. Стараясь не задевать влиятельных лиц, Гитлер хитроумно оттеснял консерваторов в сторону, в то же время расставляя собственных людей в правительстве. Помимо политических интриг, Гитлер применял и недостойные методы борьбы: разоряя, подвергая арестам и лишая своих противников прав и самой жизни. Он создал послушное ему правительство, подчинил законодательство, образование и религию интересам национал-социализма. Проводимая им политика была сходна с действиями Бенито Муссолини, он тоже стремился к тотальному контролю над гражданами — с колыбели до могилы.

В это время «Хайль Гитлер!» стало обязательной формой приветствия, свастика превратилась в символ нацистского государства, «Хорст Вессель» получил статус официального гимна. Под руководством доктора философии, руководителя пропаганды нацистской партии Йозефа Геббельса насаждался культ поклонения фюреру. Сам же Геббельс еще в 1926 году в своем

дневнике достаточно красноречиво выразил свое отношение к Гитлеру: «Адольф Гитлер, я люблю вас!»

В 1934 году, объединив посты канцлера и президента, Гитлер стал единовластным правителем Германии. На пути к абсолютной диктатуре оставалось единственное препятствие — радикально настроенные элементы внутри самой партии, группировавшиеся вокруг СА и их лидера капитана Эрнста Рёма. Так же думал и Геббельс. В его дневнике есть запись от 18 апреля: «В народе все говорят о неизбежности второй революции. Это значит, что революция не кончилась. Нам надо еще разделаться с реакцией. Революцию надо продолжать повсеместно». Рём, Геббельс и другие радикалы нацистского движения стремились ликвидировать правых: крупный промышленный и финансовый капитал, аристократию, юнкеров-землевладельцев и прусских генералов, прочно державших армию в своих руках. Рём заявил: «Мы должны продолжать борьбу с ними или без них, а если потребуется — и против них... Мы — неподкупные гаранты окончательной победы германской революции». «Альте кампфер», старые соратники, требовали от Гитлера более важной для себя роли и в армейских делах, но германские генералы дали ясно понять Гитлеру, что он лишится их поддержки, если не одернет

штурмовиков. Гитлер оказался перед выбором между националистическим и социалистическим направлениями своего движения, нарастало и противостояние между рейхсвером и СА.

Уже через несколько месяцев после назначения Гитлера рейхсканцлером в рядах штурмовых отрядов стало расти недовольство. Ведь штурмовики были настроены на свержение Веймарской республики вооруженным путем, они были главной силой «пивного путча» в 1923 году. К началу 1933 года их число возросло до 600 тысяч человек, а к концу — до 3 миллионов. Но придя к власти конституционными методами, НСДАП должна была разрешить проблему отношений СА и рейхсвера. Первоначально предполагалось слияние рейхсвера со штурмовыми отрядами и последующее создание национал-социалистической народной армии. Однако на каких условиях? Эрнст Рём предполагал, что эта армия будет создана на основе СА, а он ее возглавит. Однако офицеры рейхсвера не признавали Рёма, а президент Гинденбург не подавал ему руки. Так между руководством СА и рейхсвера развернулась борьба за власть в будущей народной армии. 28 февраля 1934 года рейхсвер и СА объединились по приказу Гитлера, но до полного единства было еще далеко. Известно, что после объединения Э. Рём произнес: «То, о чем объявил этот ефрейтор, нас не касается.

Я не собираюсь придерживаться соглашения. Гитлер вероломен и должен отправиться, по крайней мере, в отпуск. Если он не с нами, то мы сделаем свое дело и без Гитлера».

Однако «вторая революция» ставила под угрозу политическое влияние Гитлера, а ему необходимо было время для укрепления своего политического положения. Следовало заключить соглашение с правыми силами — предпринимателями, военными и президентом. Гитлер понимал, что не смог бы прийти к власти без поддержки или хотя бы терпимого отношения к нему армейских генералов, которые могли убрать его, если бы захотели. Особенно накалилась обстановка в связи с болезнью президента и главнокомандующего, 86-летнего Гинденбурга.

Гитлер полагал, что сильную, дисциплинированную армию следует создавать на основе существующего офицерского корпуса, а не СА. Взгляды Гитлера и Рёма на этот счет оказались противоположными, и в период с лета 1933 года по 30 июня 1934-го между этими ветеранами нацистского движения и близкими друзьями (о чем говорит уже тот факт, что Эрнст Рём был единственным человеком, кому Гитлер говорил «ты»), шла в буквальном смысле смертельная борьба.

Радикальные настроения Рёма не удалось нейтрализовать ни с помощью предоставления ему политической власти (он стал членом кабинета), ни с помощью дружеского письма, посланного ему лично фюрером по случаю новогоднего праздника. В феврале Рём представил кабинету меморандум, в котором предлагал рассматривать СА как основу новой народной армии, все формирования которой, согласно проекту, должны были подчиняться единому министерству обороны, главой которого рассчитывал стать Рём. Офицерский корпус единодушно отверг это предложение, к тому же офицеры обратились за поддержкой к слабеющему Гинденбургу.

Гитлеру необходимо было сделать окончательный выбор, и когда в начале апреля ему сообщили из неофициальных, но надежных источников, что дни президента сочтены, он понял: приближается момент решительных действий. Для успеха предприятия ему требовалась поддержка офицерского корпуса и ради этой поддержки он должен был пожертвовать СА.

Тем временем обстановка в Берлине накалялась, все чаще стали слышны призывы ко «второй революции» не только в выступлениях Рёма и других главарей штурмовиков, но и в речах Геббельса, а также в прессе, которую он контролировал. Внутри нацистской партии

вспыхнула ожесточенная борьба за власть. И тогда против Рёма объединились два сильнейших противника — Геринг и Гиммлер, 1 апреля Геринг назначил Гиммлера, шефа СС, которые тогда еще входили в состав СА и подчинялись Рёму, шефом прусского гестапо, после чего Гиммлер немедленно приступил к созданию тайной полицейской империи.

В первой половине июня Гитлер попытался объяснить с Рёмом; это была, по словам Гитлера, «последняя попытка» достичь взаимопонимания с ближайшим товарищем по движению: «Я умолял его в последний раз добровольно отказаться от безумия и использовать свое влияние, чтобы предотвратить события, которые в любом случае закончатся только катастрофой...» По словам Гитлера, Рём, хотя и заверил, что сделает все возможное, начал вести приготовления к его (Гитлера) ликвидации.

Действительно ли Эрнст Рём решил уничтожить Адольфа Гитлера? Увы, документальных сведений об этом деле практически не сохранилось, так что мы можем судить только по воспоминаниям участников событий, причем компрометирующие документы, похоже, были уничтожены по приказу Геринга....

Итак, позже Гитлер настаивал на той версии, что Э. Рём готовил восстание и хотел его

уничтожить. Заблуждался ли Гитлер? Был ли он прав? Или, быть может, он был обманут соратниками, которые стремились скомпрометировать Э. Рёма?

Обратимся к фактам: через несколько дней после доверительной беседы Гитлер приказал отпустить штурмовиков на весь июль в отпуск, запретив им на это время носить форму, а также устраивать парады и учения. 7 июня Рём объявил, что берет отпуск по болезни, однако не преминул заметить: «Если враги СА надеются, что после отпуска штурмовики не вернутся в строй или вернутся лишь частично, то мы позволим им немного помечтать. Ответ им будет дан в тот момент и в той форме, какие будут сочтены необходимыми. СА были и остаются уделом Германии». Перед отъездом из Берлина Рём пригласил Гитлера на совещание с руководителями СА, намеченное на 30 июня в курортном городке Бад-Висзее близ Мюнхена. Гитлер согласился, встреча состоялась, но не при тех обстоятельствах, на которые, возможно, рассчитывал Рём.

Гитлер, как признал потом в своей речи в рейхстаге, «долго колебался, перед тем как принять окончательное решение... Я все еще лелеял тайную надежду, что смогу избавить движение и СА от позора разногласий и, может быть, отвратить беду без серьезных конфликтов». Но, похоже, конфликт

был неизбежен. Гитлер также утверждал, что «в последние дни мая стали выявляться все более и более тревожные факты», что «Рём и его сообщники готовились захватить Берлин и взять Гитлера под стражу». Против этой версии говорит тот факт, что если СА стремились захватить Берлин, зачем же понадобилось всем высшим руководителям СА уезжать из Берлина? Почему Гитлер, зная о готовящейся революции, покинул Германию и отправился в Вену на встречу с Муссолини?

Колебания фюрера выглядят вполне правдоподобно. Возможно, что «ночь длинных ножей» и ее подготовка были инициативой Геринга и Гиммлера, которая в последний момент была одобрена Гитлером. Именно они подготовили длинный список настоящих и бывших врагов, подлежащих, по их мнению, ликвидации. Вероятнее всего, что действительно они убедили фюрера в том, что против него готовится «широчайший заговор», который необходимо решительно предотвратить. Вполне возможно, что Гитлер был искренне убежден, что «Рем хочет поднять мятеж». Так или иначе, Гиммлеру было поручено подавить мятеж в Баварии, а Герингу — в Берлине.

Но скорее все же дело обстояло иначе. Заручившись поддержкой партийных и армейских

лидеров, и прежде всего СС во главе с Генрихом Гиммлером, именно Гитлер нанес сокрушительный удар по руководству СА. 30 июня 1934 года, в «ночь длинных ножей», он вылетел в Бад-Висзее (куда был приглашен Рёмом), в Верхней Баварии, где Рём и несколько его сторонников находились в частном санатории Гансельбауэр. Рём был арестован. Намеревался ли Гитлер уничтожить соратника и друга? Вполне вероятно, что нет. Он до последнего момента колебался и полагал, что достаточно будет его отставки. Однако спустя два дня после ареста Гитлер предложил Рёму покончить с собой. Рём отказался, после чего был застрелен в своей камере.

В «ночь длинных ножей» в Берлине было арестовано около 150 высших руководителей СА, большинство из них тут же было казнено. Шесть человек ворвались на виллу бывшего канцлера Курта фон Шлейхера и застрелили его. В Мюнхене расправились с 72-летним Густавом фон Каром, который десятью годами раньше приказал подавить гитлеровский путч: его застрелили, а тело бросили в болото.

Точное число погибших в «ночь длинных ножей» неизвестно, однако выступая 13 июля в рейхстаге, Гитлер утверждал, что расстрелян 61 мятежник, среди них 19 главарей штурмовиков, еще 13 человек погибли «при сопротивлении аресту», и

трое «покончили с собой» — всего 77 высокопоставленных нацистов. В документах Нюрнбергского трибунала 1946 года указаны иные цифры — в ходе «ночи длинных ножей» гитлеровцами было уничтожено 1076 соотечественников, причем большинство являлись членами НСДАП. Также было убито множество людей, не имевших никакого отношения к СА, в том числе — Грегор Штрассер, главный оппонент Гитлера в НСДАП. «В те часы я чувствовал себя высочайшим судьей германской нации» — вспоминал позднее Гитлер. Из этой бойни фюрер вышел непререкаемым диктатором Третьего рейха.

В этот период политическая власть рейхспрезидента Гинденбурга все более ослабевала, летом 1934 года, после «ночи длинных ножей», Гинденбург отправил Гитлеру благодарственную телеграмму. Слабело и здоровье рейхспрезидента, и 2 августа 1934 года на 87-м году жизни генерал-фельдмаршал и президент Германской империи скончался. В этот день будущий фельдмаршал Хайнц Гудериан писал: «Не стало больше нашего старого властелина. Он был отцом для всего нашего народа... Завтра будем присягать Гитлеру».

Еще 1 августа 1934 года рейхсканцлер и кабинет министров на основании закона о предоставлении чрезвычайных полномочий

правительству приняли решение о том, чтобы в случае смерти Гинденбурга полномочия рейхспрезидента переходили к рейхсканцлеру. 2 августа 1934 года Гитлер стал одновременно главой государства и верховным главнокомандующим с сохранением должности рейхсканцлера, получив титул «фюрер». В руках Гитлера сосредоточилась вся верховная власть в государстве. Принцип фюрерства очень широко пропагандировался партией нацистов, особенно популярным стал лозунг: «Один народ, одно государство, один фюрер».

Все без исключения армейские офицеры обязаны были присягнуть на верность, но не конституции, а лично Адольфу Гитлеру. С августа 1934 года Гитлер стал диктатором государства, которое получило новое неофициальное название — Третий рейх. И хотя сейчас историки считают, что крах Веймарской республики наступил 30 января 1933 года, когда А. Гитлер стал рейхсканцлером Германской империи, по сути Веймарская республика еще продолжала существовать, поскольку Веймарская конституция формально не прекратила своего действия. Вплоть до смерти рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга в стране де-юре сохранялась прежняя система взаимоотношений между ветвями власти. Поэтому, несмотря на то, что диктатура партии

национал-социалистов (под руководством Адольфа Гитлера) негласно установилась после «ночи длинных ножей», форма правления государством изменилась только с августа 1934 года, с этого момента можно говорить о существовании Третьего рейха.

Название Третий рейх никогда не было официальным названием государства, именовавшегося еще со времен Отто фон Бисмарка и Вильгельма I Гогенцоллерна *Deutsches Reich*. Это название переводят на русский язык как Германская империя, Германское государство или Германский рейх, поскольку немецкое слово *Das Reich* означает и государство, и империю. Название же Третий рейх появилось задолго до установления власти национал-социалистов, еще в 1923 году — так назвал свою книгу Артур Меллер Ван ден Брук, немецкий писатель, переводчик и публицист, который полагал, что рейх — это единое государство, которое должно было стать общим домом всех немцев. Концепция Третьего рейха стала популярной уже после смерти Ван ден Брука (который покончил жизнь самоубийством в 1925 году). Первым рейхом считалась Священная империя германской нации, которая существовала с 962-го по 1806 год и которую можно рассматривать как преемницу Римской империи, так как первый правитель, Оттон Великий, был провозглашен

императором в Риме. Вторым рейхом считалась кайзеровская Германская империя, провозглашенная в 1871 году. И хотя Германская империя как государство продолжала существование, сторонники концепции Третьего рейха полагали, что Германская империя была уничтожена в результате ноябрьской революции 1918 года. Таким образом, Третий рейх должен был стать сильным государством, которое должно было прийти на смену слабой Веймарской республике. Гитлер подхватил идею Третьего рейха, он также называл Германию и Тысячелетним рейхом (*Tausendjdhriges Reich*) — и это название также стало популярным после выступления Гитлера на партийном собрании в Нюрнберге в сентябре 1934 года.

Расправившись с оппозицией и занимая пост фюрера и рейхсканцлера, Адольф Гитлер проводил политику полного подчинения высших должностных лиц, осуществлявших систему террора, которую он считал необходимой, чтобы сохранить существование своего режима.

Каждый из высших руководителей — Геринг, Геббельс, Гиммлер — проводили деспотическую власть внутри собственной сферы, учредив каждый для себя особую должность. Фюрер внимательно наблюдал за ними и следил, чтобы ни одна из подчиненных им организаций не стала достаточно

мощной и не могла бросить вызов его собственной власти. Он приказал Гиммлеру создать сеть концентрационных лагерей для борьбы с внутренними врагами. Были приняты Нюрнбергские законы о гражданстве и расе 1935 года, которые лишали евреев гражданства и запрещали браки между арийцами (немцами) и неарийцами (евреями). Гитлер предлагал законы, подталкивающие к эмиграции евреев, социалистов и интеллигенцию, которые «создавали трудности для жизни» в ограниченном пространстве Третьего рейха.

В Германии проводилась политика террора. Агенты гестапо врываются в дома среди ночи. Некоторые арестованные исчезали навсегда, многих бросали в подвалы, где подвергали избиениям и пыткам, чтобы вырвать признание. Преступления — от ограбления до убийства — называли «политикой» во имя «национальной революции». Шла борьба за возможность примкнуть к победившей партии, смещались с постов профессора университетов, а на их место назначались некомпетентные нацистские чиновники. А чтобы улучшить эмоциональное состояние народа, в Нюрнберге начали проводить массовые многотысячные слеты.

Гитлер выступал с речами на огромных стадионах. Усилилась пропаганда — Геббельс и его

сотрудники восхваляли фюрера: «Мы являемся свидетелями величайшего события в истории. Гений создает мир! Его голос мы слышали, когда Германия спала. Его руки снова создали из нас нацию! Он один никогда не ошибается! Он всегда как звезда над нами!» Такие заявления можно было услышать по радио, которое было весьма популярным в Третьем рейхе...

Война за мировое господство

Получив практически неограниченную власть, Гитлер приступил к осуществлению целей, намеченных в «Майн кампф». Сначала тайно, а затем открыто, он пошел на нарушение условий Версальского договора, по сути лишившего Германию армии. Став канцлером, Гитлер начал проводить агрессивную внешнюю политику. В октябре 1933-го Германия вышла из Лиги Наций. Летом 1934 года Гитлер предпринял попытку вторгнуться в Австрию, но после того как Муссолини послал свои войска на охрану австрийских границ, ему пришлось отказаться от своих намерений. В марте 1935-го Гитлер объявил о создании вооруженных сил мирного времени в составе 36 дивизий численностью 550 000 человек, что являлось прямым нарушением условий Версальского договора. Великие державы

нерешительно протестовали. Год спустя, в марте 1936-го, Гитлер направил войска в Рейнскую демилитаризованную зону, аннулировав к этому времени Локарнские договоры 1925-го, и снова не встретил никакого сопротивления со стороны Запада. Когда в июле 1936-го в Испании разгорелась гражданская война, Гитлер оказал помощь генералу Франсиско Франко и испанским фалангистам. В Испанию был направлен легион «Кондор», и немецкие летчики приобрели первый боевой опыт, пригодившийся позднее во время Второй мировой войны. 25 октября 1936 года был заключен военно-политический союз с Италией (так называемый «Стальной пакт»), который Гитлер рассматривал как возможность завоевать «жизненное пространство» для «неимущих» наций.

Германия готовилась к войне, хотя Гитлер повсеместно делал публичные заявления о стремлении к миру. Сам Гитлер утверждал: «Мир, основанный на победах меча, куда прочнее, нежели мир, выклянчиваемый слезоточивыми старыми бабами пацифизма». Что ж, тут стоит вспомнить другое изречение фюрера: «Чем грандиознее ложь, тем легче ей готовы поверить» — и люди предпочитали верить заявлениям Гитлера.

К концу 1937 года экспансионистская политика Гитлера набрала обороты. Уже тогда, в 1937-м, почти за два года до нападения на Польшу

и начала Второй мировой войны, Гитлер на Хоссбахском совещании военного руководства дал понять, что собирается разрешить проблему «жизненного пространства» для Германии не позднее 1943–1945 годов.

В марте 1938 года Гитлер, манипулируя сложностями в австро-германских отношениях, осуществил аншлюс Австрии, введя туда войска и насильственно присоединив ее к Третьему рейху. На проведенном под диктовку нацистов плебисците было получено 99,59 % голосов австрийцев, одоббивших аншлюс. «Это — величайший час моей жизни», — заявил Гитлер.

На очереди было «решение» Судетского вопроса. В конце 1938-го Гитлер начал кампанию по «освобождению» судетских немцев в Чехословакии — суверенном государстве, чья независимость гарантировалась западными державами и Советским Союзом. Напуганные военной угрозой британский премьер-министр Невилль Чемберлен и французский премьер Эдуард Даладье прибыли в Германию и подписали унижительное Мюнхенское соглашение 1938 года. Это была бескровная победа, которая подняла престиж Гитлера в глазах немцев. Менее чем за год к рейху были присоединены территории с населением 10 млн человек!

Следует заметить, что Гитлер действовал как умелый политик: в ситуации выхода из экономического кризиса никто не хотел войны, и Гитлер утверждал, что он также не является сторонником военных действий, и после каждой одержанной победы фюрер заявлял, что не намерен предъявлять дальнейших территориальных претензий.

В этот период Гитлер стал самым могущественным диктатором в Европе со времен Наполеона. Немцы считали его великим государственным деятелем, даже превзошедшим Бисмарка, а дипломаты западных стран называли агрессором и опасались его.

Следующим шагом во внешней политике было решение «польского вопроса». Гитлер претендовал на Польский коридор и Данциг, потерю которых связывал с Версальским договором. Западные державы, в ответ на обращение Польши, гарантировали ей сохранение независимости. Понимая, что жизненно важно избежать войны на два фронта, о чем он писал еще в «Майн кампф», Гитлер начал переговоры с Москвой. 23 августа 1939 года два смертельных врага — нацистская Германия и Советский Союз подписали договор о дружбе и ненападении, а также — о разделе Польши между союзниками. В

этой ситуации вплотную подступала угроза новой войны.

В ответ на действия Германии и СССР Чемберлен информировал Гитлера, что Великобритания без колебаний исполнит свои обязательства перед Польшей. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война. С этого момента жизнь и деятельность Гитлера были подчинены военным планам. Фюрер надел военный китель и объявил, что не снимет его до полной победы Германии. Известно, что в частной беседе он сказал: «Мне 50 лет, и я предпочитаю вести войну сейчас, а не тогда, когда мне исполнится 53 или 60».

В первые же недели войны Польша была поделена между немецкими и советскими войсками. В чрезвычайном обращении к рейхстагу 6 октября 1939 года Гитлер предложил Великобритании и Франции заключить договор о мире — таким было его «последнее предложение». Однако западные страны не могли идти на дальнейшие компромиссы. В годовщину «пивного путча» Гитлер объявил, что отдает приказ на 5-летнюю войну, которая закончится полной победой Третьего рейха.

Затем наступил период так называемой сидячей войны, длившейся всю зиму 1939/40 года, во время которой ни Гитлер, ни его противники на

Западе не предпринимали никаких серьезных боевых действий. Франция надеялась на укрепленную «линию Мажино», британские летчики «бомбардировали» Германию листовками. Казалось, что крупномасштабные боевые действия не предвидятся, да и в новогоднем обращении к нации 1940 года Гитлер заявил, что не намерен бороться за «новый порядок» в Европе.

Ситуация переменилась с приходом весны. В марте 1940-го Гитлер встретился со своим союзником Муссолини на Бреннерском перевале и они достигли соглашения. 9 апреля 1940 года германские войска вторглись в Данию и Норвегию. Месяц спустя был осуществлен блицкриг в Бельгию, Нидерланды, Люксембург и Францию. «Это сражение решит судьбу Германии на тысячу лет», — заявил Гитлер. 22 июня 1940-го торжествующий Гитлер потребовал от французов согласиться на прекращение боевых действий, причем в том же самом пассажирском вагоне в Компьене, в котором немцы были вынуждены подписать перемирие в 1918-м. Фюрер возвратился в Берлин героем-победителем.

Все эти события укрепили веру немцев в гений Гитлера. Особое впечатление произвели его способности к стратегическому планированию военных операций. Следующим шагом Гитлера была массированная воздушная бомбардировка

Великобритании с дальнейшим осуществлением операции «Морской лев» — высадкой сухопутных сил на Британские острова. Но летчики Королевских военно-воздушных сил, не помышляя о капитуляции, нанесли мощнейший удар по гитлеровской воздушной армаде. Только за 15 августа 1940 года англичане сбили 180 немецких самолетов. Не добившись преимущества в воздухе, нечего было и думать о вторжении на острова. С этого момента Гитлер перенес свое внимание на Восток. Муссолини, раздраженный тем, что пребывал в неведении относительно ближайших планов Гитлера, напал на Грецию, но постигшая его здесь неудача вынудила Гитлера обратить внимание на Балканы и Северную Африку. 6 апреля Гитлер ввел войска в Грецию и Югославию, а позднее отправил Африканский корпус в Ливию и Египет. Первоначальному успеху этого мероприятия способствовал нейтралитет Советского Союза.

В этот момент, после серии побед Германии, Гитлер принял судьбоносное решение. Имея в своем распоряжении 250 немецких дивизий и около 100 дивизий государств-сателлитов, он решился напасть на Советский Союз, будучи уверен, что завоюет его в течение шести недель. 22 июня 1941 года германские войска перешли границу и вторглись в пределы Советского Союза на всем

протяжении его границ — от Балтийского до Черного моря.

Первоначально успех сопутствовал Гитлеру, его войска преодолели две трети расстояния до Москвы за 26 дней. Советские войска отступали. «Сегодня, — сказал Гитлер 2 октября 1941, — начинается последнее, решающее сражение войны». И это сражение действительно было решающим. Однако мечтам фюрера о захвате столицы СССР не суждено было сбыться. После катастрофического разгрома под Москвой, 19 декабря 1941 года Гитлер сместил своего главнокомандующего фельдмаршала Вальтера фон Браухича и принял на себя командование всеми боевыми действиями. К этому времени в войну вступили Соединенные Штаты Америки, и четыре пятых мира объединились против нацистской Германии.

В 1942 году успехи немецких войск не были столь значительными, как того хотелось, Германия начинала уставать от войны. Новогоднее обращение 1942 года демонстрирует заметное снижение эйфорического настроения Гитлера. Хотя его войска еще одерживали победы на Украине и в Северной Африке, было очевидно, что блицкриг провалился. Гитлер все чаще стал принимать ошибочные решения. На Восточном фронте он бросался от одной цели к другой, отдавал приказы

своим войскам прекратить отступление и сражаться, когда их положение было безнадежным. Гитлер уделял все меньше и меньше внимания политической и дипломатической деятельности. Он приказал Гиммлеру разработать структуру «нового порядка» в Европе: передать управление аннексированных территорий — Чехословакии, Польши, Франции и Бельгии — нацистским губернаторам, а Норвегию и Голландию включить в свободный союз. К этому времени во всех оккупированных странах возникли мощные очаги сопротивления, которые Гитлер пытался подавить теми же методами террора, которые он успешно применял в Германии. Для борьбы с инакомыслящими, для уничтожения евреев и других «низших» элементов, загрязняющих арийскую расу, по приказу Гитлера была значительно расширена сеть концентрационных лагерей и лагерей уничтожения.

Поворотным моментом стала осень 1942 года. К этому времени были разбиты под Эль-Аламейном войска генерала Роммеля, в ноябре 6-я армия генерала Фридриха фон Паулюса начала терпеть неудачи под Сталинградом. А в феврале 1943-го, несмотря на приказ окруженной 6-й армии сражаться до последнего солдата, фон Паулюс капитулировал. Эта трагедия предвещала проигрыш в войне. Гитлер, на весь мир обещавший захватить

Сталинград, вынужден был смириться с гибелью огромной армии, пытавшейся выполнить данную ему клятву. Хотя до того ему, как правило, удавалось достигать намеченных целей.

С этого момента вместо разговоров о победе Гитлер стал утверждать, что враги неспособны нанести ему поражение. В этот период ухудшается здоровье Гитлера, подорванное нервными потрясениями и множеством покушений, он начинает уходить в мир собственных фантазий и все чаще принимает стратегически неверные решения. Гитлер все больше испытывает зависимость от лекарств, вводимых ему доктором Теодором Мореллем. Период славы и побед Гитлера близился к концу.

Хотя было уже понятно, что Германия проигрывает войну, Гитлер объявил всеобщую мобилизацию германской экономики, надеясь на это последнее усилие, которое могло бы привести к успеху. В этот период усиливается пропаганда относительно нового «тайного», «непобедимого» оружия (о котором мы поговорим позже). Но на фронте одна неудача следовала за другой.

В июле 1943-го в Италии рухнул режим Муссолини, и Гитлеру пришлось помочь дуче восстановить его. Отто Скорцени удалось провести операцию по спасению Муссолини, но теперь

восстановленный в части Италии режим существовал только за счет поддержки рейха.

Гитлер рассчитывал, что угроза бомбардировок германских городов авиацией союзников вновь воспламенит боевой дух нации. С ухудшением ситуации на фронтах, изменились и лозунги, на смену победным лозунгам начала войны пришло отчаянное «Мы будем сражаться до последнего!» Союзники разгромили его войска в Северной Африке, на Восточном фронте армии отступали к границам рейха. Англо-американские войска высадились на Сицилии, а вскоре заняли и остальную территорию Италии, к 1 октября 1943 года дошли до Неаполя, а 4 июня 1944-го вступили в Рим. 6 июня того же года произошло важнейшее событие — высадка союзников во Франции. Одна из самых выдающихся операций в военной истории, она была подготовлена и проведена абсолютно неожиданно.

Гитлер оказался в гигантской ловушке, когда войска союзников форсировали Рейн, а с востока неумолимо надвигались советские войска. Люфтваффе Геринга оказались неспособны защитить германские города и промышленные центры от разрушительных бомбардировок союзников. Операции подводного флота также не принесли желаемых результатов. Отчаянное военное положение воодушевило антигитлеровское

движение внутри Германии и побудило его к активным действиям. Именно в этот период антигитлеровское движение оказывало разнообразное противодействие фюреру: от саботажа до тайных заговоров. Однако следует заметить, что оппозиция в Германии была слабо организованной, несколько небольших и разрозненных оппозиционных групп никогда не были организованы в мощное массовое движение. Оппозиция в рейхе не обладала той силой, которую имели подпольщики в оккупированных странах, ведших партизанскую войну против нацистов. Правда, немецкое движение сопротивления совершило несколько попыток устранить Гитлера (об этих попытках мы расскажем поподробнее ниже), однако все они не достигли цели — Гитлер остался жив.

Становилось все яснее, что Гитлер проигрывает войну: советские войска уже были на территории Германии, союзники бомбили немецкие города. Гитлер перенес свою ставку в Берлин. Здесь в подземном бункере, построенном под садом канцелярии, он провел свои последние дни. В окружении немногих преданных ему людей он проводил многие часы над гигантскими картами боевых действий, перемещая разноцветные булавки, определяя местонахождение подразделений, многих из которых уже не

существовало. К этому времени Гитлер находился в состоянии крайнего нервного истощения; хотя ему было всего 56 лет, двигался он как старик. Несмотря на старания докторов, его здоровье стремительно ухудшалось.

В этот период у Гитлера оставалось все меньше сторонников. За исключением Геббельса, Мартина Бормана, секретарей и некоторых других соратников, его заместители начали покидать его. Сам Гитлер также немало этому способствовал: он обвинил Геринга в стремлении узурпировать власть, Гимmlера — в закулисных переговорах с союзниками, Шпеер отказался исполнять его приказ о тактике «выжженной земли». У Гитлера оставалось все меньше политического влияния, поражение в войне было неизбежным. Он не мог согласиться на капитуляцию, следовательно оставался один выход — самоубийство. Был ли этот шаг продиктован желанием спасти отечество от дальнейшей войны? Отнюдь. Гитлер понимал, что союзники будут судить его как военного преступника (и расправятся как с военным преступником), поэтому предпочел суду самоубийство. К тому же он полагал, что и Германия также должна покончить с собой, потому что немцы оказались недостойны его гения и обречены на проигрыш в борьбе за жизнь.

Решение было принято. Рано утром 29 апреля он сочетался браком с Евой Браун, своей любовницей, и сразу же после этого продиктовал свою последнюю волю и политическое завещание, в которых оправдывал свою жизнь и деятельность. На следующий день он удалился в свои апартаменты и застрелился, а Ева Браун приняла яд. В соответствии с завещанием, их тела бросили в котлован в саду канцелярии, облили бензином и сожгли.

Так закончилась жизнь фюрера, вождя Третьего рейха, одного из великих диктаторов современности.

Первые покушения

Решение об уходе из жизни Гитлер принял сам. Это поражает — ведь история покушений на фюрера насчитывает около 50 попыток! Но все эти попытки потерпели неудачу. Можно ли считать подобное случайностью? Или это Провидение, в которое свято верил самый главный фашистский преступник? Еще в годы Первой мировой войны, когда Гитлер был простым солдатом и участвовал в сражениях на Западном фронте, большинство сослуживцев считало его везунчиком, что подтверждают его ранения и награды. В период становления его политической карьеры и борьбы за

власть Гитлеру также не раз удавалось избегать случайной пули полицейских, которые оружейным огнем разгоняли манифестации национал-социалистов. Так что же уберегло Гитлера? Почему провалились все покушения на его жизнь?

Угрозы физически устранить Гитлера появились сразу после перехода власти к нацистам. Почти каждую неделю в полицию поступали сведения о готовящемся покушении на нового канцлера. Только с марта по декабрь 1933 года минимум десять случаев представляли, по мнению гестапо, опасность для главы правительства. Правда, найти конкретных заговорщиков и довести дело до суда удавалось редко.

Суды, конечно, были послушны властям. Но иногда случались и неожиданности. Корабельный плотник из Кенигсберга Курт Луттер, готовивший со своими единомышленниками в марте 1933-го взрыв на одном из предвыборных митингов, где должен был выступать диктатор, был оправдан за недостаточностью улик. Этот случай стал исключением из правил — нацистский режим был безжалостен и беспощаден.

Одна из попыток, которая могла быть успешной, состоялась осенью 1938 года. В Мюнхене во время празднования годовщины «пивного путча» студент Морис Баво планировал

застрелить Гитлера из пистолета с расстояния в 10 метров. Как было широко известно, каждый год фюрер отмечал годовщину путча в той самой пивной, в которой началось восстание. Обычно фюрер всегда следовал, выйдя из автомобиля, до места праздника с соратниками по центру улицы. Зная об этом, М. Баво достал пригласительный билет на гостевую трибуну, находившуюся в 10 метрах от места, где должен был пройти Гитлер. Баво был не очень хорошим стрелком и поэтому усердно тренировался. Он понимал, что у него будет только один шанс уничтожить фюрера. И если бы как всегда на параде Гитлер шел в центре колонны, от которой до трибун было не более 10 метров, его попытка могла бы быть успешной. Однако неизвестно по каким причинам в этот раз Гитлер изменил традиции. Не доходя буквально пятидесяти метров до той трибуны, где располагался Морис, Гитлер покинул центр колонны и шел сбоку по другую сторону улицы, затем он проследовал в здание в пятнадцати метрах от Баво — это была дистанция, не достигаемая для точного пистолетного выстрела. Покушение было сорвано.

В день годовщины путча студент так и не выстрелил, но на следующий день он решил пробраться в резиденцию Гитлера в Оберзальцбурге и там исполнить свой замысел.

Баво сообщил на входе в «Коричневый дом», что должен передать фюреру письмо, однако охрана резиденции заподозрила неладное и арестовала Мориса. Он был схвачен с оружием и признался в том, что хотел совершить покушение. 16 декабря суд приговорил Баво к смерти, а в мае 1941 года он был казнен.

Через полгода после покушения Баво, в апреле 1939-го, в Берлине планировалось еще одно покушение. Осуществить его хотел Ноэль Мэйсон. Это был кадровый офицер английской армии, инвалид, атташе посольства Англии в Германии. Он был прекрасным стрелком. Мэйсон жил в доме на центральной улице Берлина, где всегда проходили парады. Он ненавидел Гитлера и абсолютно самостоятельно разработал и подготовил покушение. У него была первоклассная винтовка, оптический прицел и глушитель. Если бы он все-таки решился совершить покушение, то его вряд ли бы вообще поймали. Но Мэйсон не мог принять такое решение самостоятельно и ждал разрешения из Лондона. Лондон санкции не дал, а сам Ноэль, несмотря на ненависть к фюреру, не решился. О готовящемся покушении немецкая разведка не знала, и данные о нем можно найти только в воспоминаниях Мэйсона. В его мемуарах описывается, что он только посмотрел на Гитлера сквозь прицел, но так и не нажал курок...

Еще один шанс на удачное покушение появился летом 1939-го у агентов ГРУ — Сони (Урсулы Кучински, ученицы Зорге) и Лена. Они случайно узнали о том, что Гитлер с Евой Браун любят заходить в небольшой ресторанчик в Мюнхене. Они предложили Центру уничтожить Гитлера и разрабатывали детали нападения. Но 24 августа был подписан Советско-германский пакт о ненападении. Москва на предложение не ответила. А вскоре разразилась Вторая мировая война. Покушение было сорвано на стадии подготовки.

Одним из самых «громких» (как в прямом, так и в переносном смысле) было покушение 8 ноября 1939 года, которое состоялось во время празднования годовщины «пивного путча», когда все «старые борцы» по традиции собрались в пивной «Бюргербройкеллер». Это покушение было организовано Иоганном Георгом Эльзером — человеком, решившим, что избавить мир от грядущей неизбежной войны можно, только уничтожив ее главного поджигателя — Адольфа Гитлера. С этой целью он осенью 1939 года заминировал мюнхенский «Бюргербройкеллер», где 8 ноября 1923 года Гитлер выстрелом в потолок оповестил о начале «национальной революции». Первым оратором на празднествах был, естественно, сам вождь, но 8 ноября 1939-го его речь оказалась короче обычной, и взрыв прозвучал

через 13 минут после того, как он отбыл из пивной. Почему не удалось это покушение? Существует несколько версий. Вполне вероятно, что вмешался его величество Случай (или Судьба, о которой так много говорил сам фюрер), который и уберег Гитлера от покушения. Вероятно и то, что Гитлер знал о готовящемся покушении и специально сократил свою речь, однако эта версия не слишком правдоподобна. А некоторые историки считают, что это покушение, которое сыграло на руку растущей популярности фюрера, было спланировано и приведено в исполнение спецслужбами Третьего рейха, а Эльзер — лишь пешка в темной игре спецслужб...

Кем же был Эльзер и кто подготовил покушение? Иоганн Георг Эльзер увидел свет 4 января 1903 года в вюртембергском Хермарингене, а через год его родители перебрались в Кенигсбронн. Его отец Людвиг торговал лесом, мать Мария управлялась в крестьянском хозяйстве. О безоблачном детстве Георга говорить не приходится. Ему было всего семь, когда отец все чаще стал выпивать. Возвращаясь домой, он бил жену и детей (к тому времени детей в семье было уже четверо). В 1910 году Георг пошел в народную школу. Первым учеником он никогда не был, но в математике, чистописании и рисовании не уступал никому. Невысокий, худой, замкнутый и

молчаливый ребенок общению со сверстниками предпочитал одиночество. Возможно, виной тому была вечно напряженная атмосфера в доме. Частенько в одиночку он что-то мастерил дома или с охотой помогал матери по хозяйству.

После семи лет народной школы он начал учиться на токаря по металлу в Кенигсбронне, но через два года вынужден был по причине слабого здоровья отказаться от намерения получить эту профессию и начал обучаться столярному искусству в мастерской Роберта Заппера. Экзамен на звание подмастерья он сдал весной 1922 года в ремесленном училище в Хайденхайме лучше всех. Георг гордился своей профессией, и мебель, выходявшую из-под его умелых рук, отличала особая красота. Поэтому, естественно, он рассчитывал на достойную оплату своего труда. Но в пору инфляции и массовой безработицы, терзавших Германию в 1920-е годы, сыскать хоть какую-нибудь работу было далеко не просто, и для Георга началась пора вынужденных странствий. Поиски рабочего места приводили его даже в соседнюю Швейцарию.

Еще в школьные времена он проявил недюжинные музыкальные способности и с увлечением играл на цитре. Потом освоил контрабас и с оркестром таких же любителей играл на танцах и вечеринках. Несмотря на скромность и

даже застенчивость, он пользовался успехом у барышень. Их привлекали в нем хорошие манеры и галантность, которые выгодно отличали его от шумной и простоватой кенигсброннской молодежи. Нравы тогда царили отнюдь не пуританские, и недостатка в подружках Георг не испытывал. Одна из них, Матильда Нидерманн, даже родила ему в 1930 году сына Манфреда, которому Эльзер аккуратно выплачивал алименты. Но ни одно из увлечений не переросло в прочный союз.

Ни о какой политике Георг Эльзер в те времена не задумывался. «пивной путч» остался для него, как и для большинства сверстников, пустым звуком. Но первые импульсы, давшие толчок его политическому сознанию, Эльзер почувствовал уже в конце 1920-х годов. Юный подмастерье вступил в профсоюз деревообделочников, а затем, в 1928 году, в Союз красных фронтовиков, к чему его подтолкнули долгие уговоры коллег по работе. Но стоит отметить, что Георг никогда не считал членство в обеих организациях к чему-то обязывающим и не принимал активного участия в их деятельности. Вплоть до 1933 года он голосовал на выборах за КПГ, вполне искренне почитая компартию наилучшим выразителем интересов рабочих, поскольку предвыборными обещаниями коммунистов было повышение зарплаты,

приличное жилье и улучшение условий труда. Однако из этого не следует, что он был знаком с какими-либо программными документами коммунистов, хотя, возможно, он читал их листовки. По свидетельствам современников, если что-то кроме книг Георг и читал, так это специализированные журналы по милому его сердцу ремеслу, и уж крайне редко у него в руках можно было увидеть какую-нибудь газету.

Казалось бы, шовинистическая и националистическая риторика нацистов должна была найти отклик у такого человека, как Эльзер. Но, несмотря на то, что он был мастеровым до мозга костей, рьяным почитателем традиционного швабского национального костюма и членом соответствующего союза, несмотря на то, что он воодушевленно распевал во время походов по природным достопримечательностям Вюртемберга народные песни, Георг никогда не присоединялся к толпам, заполнявшим тротуары во время факельных шествий штурмовиков, не вскидывал руку в гитлеровском приветствии и не прилипал к приемнику после сообщения об ожидаемом выступлении фюрера. Он не принимал идей национал-социалистов. Похоже, что это неприятие не имело под собой каких-то особенных идеологических оснований, а было результатом исключительно пытливого ума, ведь после событий

1933-го Георг быстро убедился, что до чайний простых немцев гитлеровцам никакого дела нет. Как позже он утверждал на допросах, его неприятие нацизма имело, как минимум, экономические основания. В протоколах его допросов гестапо зафиксированы его высказывания: «Так, например, я убедился, что зарплаты стали ниже, а вычеты выше... Почасовая оплата труда столяра составляла в 1929 году 1 рейхсмарку, сейчас же платят всего по 68 пфеннигов». Но несмотря на значимость таких причин для рабочего, не только они повлияли на неприятие режима. Ущемление прав и свобод личности возмущали его ничуть не меньше: «Рабочий не имеет, например, больше права менять место работы по своему усмотрению, он лишен гитлерюгендом звания отца своих детей, и в религиозном отношении он не может делать свободного выбора».

Вскоре ко всем этим мотивам добавился новый: в мире запахло войной. Трудно было не заметить милитаризации всей жизни Германии. Англо-французские уступки нацистской Германии на Мюнхенской конференции в сентябре 1938 года привели к тому, что части вермахта спокойно смогли оккупировать Судеты. И по всему было видно, что это всего лишь начало более масштабных завоеваний. Гитлер на этом останавливаться не собирался, в этом Эльзер был

твердо убежден. Возможность избежать войны он видел лишь в одном — в устранении руководства рейха. Именно так он и заявил после своего ареста в гестапо: «Сформировавшиеся у меня воззрения указывали, что ситуацию в Германии возможно изменить лишь путем устранения существующего руководства. Под руководством я понимал «верхушку» — Гитлера, Геринга и Геббельса. Размышляя, я пришел к выводу, что после устранения этих трех лиц в правительство войдут другие, кто не станет предъявлять другим странам невыполнимые требования, кто не намерен вторгаться на чужую территорию и кто озаботится улучшением социального положения рабочих».

Приняв решение об устранении Гитлера — решение, пожалуй, самое важное в его жизни, — осенью 1938-го Эльзер начал обдумывать способ и искать место для покушения. К тому времени он работал на хайденхаймерской фабрике, производившей армейское снаряжение. Там было легко раздобыть взрывчатые материалы, которые он понемногу выносил с фабрики. Похищенные пороховые заряды поначалу хранил прямо в одежном шкафу, а потом в специально изготовленном им деревянном чемодане с двойным дном. В свободное время весь свой недюжинный талант ремесленника он направил на конструирование надежной «адской машины» и

взрывателя к ней. Для приведения устройства в действие он решил применить часовой механизм. Во время своих странствий Эльзеру довелось потрудиться на часовых заводах, и необходимыми познаниями в этой области он обладал. Он без труда приспособил к своему устройству два надежных будильника.

Итак, 8 ноября 1938 года Георг Эльзер отправился в Мюнхен, где нацисты праздновали очередную годовщину «пивного путча». После того как Гитлер произнес свою речь, Эльзер без всякого труда смог осмотреть залы «Бюргербройкеллера», охрана с которого после отъезда фюрера была снята. На следующий день, поглазев на марш «старых борцов», он возвращается в Кенигсбронн с окончательным созревшим решением избрать местом покушения нацистскую святыню. Той же осенью он задумался и о возможных путях отхода с места покушения. Избежать ареста Эльзер намеревается, перейдя границу рейха со Швейцарией, которую ему уже не раз приходилось пересекать ранее.

В апреле следующего года он вновь отправился в Мюнхен, чтобы как следует разведать место будущего покушения, входы и выходы из залов и точно определить место, куда он заложит бомбу. Несущая колонна находится как раз под тем местом, где устанавливали пульт для выступлений Гитлера. Все складывалось как нельзя лучше, вот

только получить место в «Бюргербройкеллере» ему не удалось.

Возвратившись домой, Георг устроился на кенигсброннскую каменоломню, где в течение недолгого времени обзавелся сотней взрывпатронов и ста двадцатью пятью капсюлями к ним. Продолжая начатые опыты со взрывчатыми веществами, он испытывал их действие прямо в родительском саду.

В августе Эльзер перебрался ненадолго в Мюнхен. Ему было необходимо доделать бомбу и подготовить место для ее установки. В сентябре он поселился на квартире в доме по Тюркенштрассе, 94, у Альфонса и Розы Леман.

Как свидетельствуют гестаповские протоколы допросов Георга Эльзера, в период с 5 августа по 6 ноября он в общей сложности провел минимум 30–35 ночей в подвалах «Бюргербройкеллера», выдалбливая вручную в несущей колонне нишу для своей бомбы. Ему нужно было спешить: все должно быть готово к 8 ноября. Даже вторжение вермахта в Польшу 1 сентября и разразившаяся Вторая мировая война не смогли заставить его отказаться от задуманного. По его собственному признанию, он страстно желал «избежать еще большего кровопролития».

После бессонных ночей в подвале «Бюргербройкеллера» Георг продолжает

напряженно трудиться, по частям изготавливая и собирая взрывное устройство. Лишь отдельные его металлические части он заказал в нескольких мастерских.

Наконец все было готово. В ночь со 2-го на 3 ноября он закладывает бомбу в выдолбленную нишу. Пустоты по ее краям заполняет остатками взрывчатки и пороха. В ночь с 5-го на 6-е он подсоединяет к бомбе оба часовых взрывателя, которые могли быть заведены за шесть дней до взрыва. Покидая подвал утром, Георг устанавливает время взрыва — 21.20 8 ноября.

Утверждают, что не будь Эльзер столь равнодушен к актуальным политическим событиям, взрыву в «Бюргербройкеллере» не суждено было бы прозвучать. Ведь еще 6 ноября Гитлер решил из-за войны и предстоящей активизации военных действий на западном фронте впервые отказаться от участия в традиционном мероприятии, поручив произнести речь на нем Рудольфу Гессу. В этом случае покушение теряло всякий смысл. Но Георг Эльзер обо всем этом и не подозревал. 7 ноября поздней ночью, в последний раз проверив взрыватель, он покидает Мюнхен.

8 ноября уже к 18.00 зал был полон. Почетные места среди собравшихся «старых борцов» заняли Гиммлер, Розенберг, Франк, Геббельс, Риббентроп и Зепп Дитрих. К тому времени известие о том, что

Гитлер изменил свое решение и все же выступит с речью, распространилось с быстротой молнии. Фюрер пошел на такой шаг, чтобы иметь возможность всю силу своего ораторского искусства обрушить на Англию, что считал крайне важным с пропагандистской точки зрения для поддержания соответствующих умонастроений в Германии в условиях войны. До этого раза он начинал речь обычно в половине девятого и к десяти заканчивал. Теперь же фюрер, которому предстояло в тот же день возвратиться в Берлин спецпоездом, лишившись из-за испортившейся погоды возможности улететь самолетом, изменил привычный сценарий и вышел к ораторскому пульта уже в восемь. К девяти он уже успел помянуть «павших героев», в пух и прах раздраконить ненавистную Англию и в семь минут десятого вместе со свитой покинуть «Бюргербройкеллер».

Ровно в 21.20 грянул взрыв. Ораторский пульт оказался погребенным под метровым слоем обломков. Гитлеру в этих условиях было не уцелеть. И не только ему одному. Но увы... Взрыв, разрушивший не только колонну под подиумом, но и крышу зала, стоил жизни семи «старым борцам» и кельнерше. Более шести десятков человек получили ранения разной степени тяжести.

Следствие по делу о взрыве началось тут же. На поиски причастных к нему лиц были брошены все силы полиции. Контроль на границах был резко ужесточен. В ту же ночь была создана так называемая «Центральная комиссия по расследованию покушения в Мюнхене», которую возглавили рейхсфюрер СС, шеф германской полиции Генрих Гиммлер и шеф гестапо Рейнхард Гейдрих. Работу спецкомиссии в самом Мюнхене возглавил обергруппенфюрер СС, руководитель имперской криминальной полиции Артур Небе.

Но никто из участвовавших во всех этих оперативных мероприятиях и подозревать не мог, что тот, на кого устроена эта грандиозная облава, был арестован еще до того, как рухнул потолок в «Бюргербройкеллере».

Георгу Эльзеру не повезло в очередной раз. В 20.45 8 ноября он был задержан при попытке нелегального перехода швейцарской границы. Всего тридцать метров отделяли его от территории государства, где, как полагал Эльзер, он станет недосыгаем для лап нацистских ищеек, когда его окликнули. Обернувшись, Георг увидел перед собой мужчину в форме таможенника. Последовал нехитрый вопрос: что это он здесь делает? Эльзер был, видно, не готов к такому обороту дел и стал путано объяснять, что просто заблудился. Таможенник, повывавший за время службы немало

таких «заблудившихся», отвел его на ближний пост, который находился всего в пятнадцати метрах от границы и не был огорожен даже проволочным заграждением. Путь в Швейцарию преграждал лишь обычный полосатый шлагбаум. Но Георг, уверенный, что его «адская машина» еще не сработала, и полагавший, что после предъявления документов и прочих формальностей его отпустят, не предпринял никаких попыток к бегству.

Но дело дошло хотя и до поверхностного, но все же обыска. Кроме пары болтов, гаек да открытки с видом «Бюргербройкеллера» в его карманах, дотошные таможенники обнаружили за отворотом лацкана пиджака значок члена Союза красных фронтовиков. И тут же позвонили в местное гестапо. Там только начали разбираться с его задержанием, как пришел приказ о закрытии границы и аресте всех подозрительных в непосредственной близости от нее. Гестаповцы доложили об Эльзере в Мюнхен и продолжали допросы, пока во второй половине дня 9 ноября не получили приказ доставить арестованного в столицу Баварии.

Спецкомиссия Небе трудилась не покладая рук, по-немецки педантично и скрупулезно проверяла все подозрительное в досье каждого из 120 задержанных подозреваемых в совершении покушения. Эльзера допросил лично Небе.

Держался тот, видимо, отлично и не вызвал у обергруппенфюрера никаких особых подозрений. Потом им занялся оберштурмбаннфюрер СС Франц Йозеф Хубер. Последний уже успел осмотреть рухнувшую во время взрыва колонну, и ему пришло в голову, что покушавшемуся, чтобы выдолбить нишу для бомбы, очевидно, приходилось работать стоя на коленях. Хубер велел Эльзеру задрать штанины брюк. Опухшие, посиневшие, все в царапинах колени стали первым свидетельством против него.

Остальное уже было делом техники. Как ею владели в гестапо, объяснять не надо. На допросе в ночь с 13-го на 14 ноября Георг Эльзер начал давать признательные показания, но на этом его мучения не закончились. Его признания не удовлетворяли нацистов. Германская пресса к тому времени уже всю искала происки внешних врагов Германии и полагала покушение делом рук английских спецслужб. Йозеф Геббельс еще в ночь после покушения заявил, что оно явно «придумано в Лондоне».

И в этой ситуации оказывалось, что такое тщательно запланированное покушение, шансы которого стать удачным были высоки — дело рук не мастеров-профессионалов, а простого рабочего, одиночки! Ни Гитлер, ни Гиммлер не верили в версию с «заговором одиночки», и рейхсфюрер СС

приказал 14 ноября доставить арестованного в Берлин по адресу, который все годы нацистского господства внушал немцам подлинный ужас: Принц-Альбрехтштрассе, 8. Тут Георга Эльзера пытали, но несмотря на все мучения, он стоял на своем, утверждая, что действовал в одиночку.

Тем временем нацистская пропаганда продолжала начатую Геббельсом кампанию, увязывая со взрывом в «Бюргербройкеллере» похищение спецкомандой СД 9 ноября в приграничном голландском городке Венло двух агентов британской секретной службы — Стивенса и Беста. Тайно вывезенных в Германию англичан представляли непосредственными руководителями покушения. Вместе с Эльзером они должны были стать по окончании войны подсудимыми на громком процессе, который задумывался как трибунал над «английскими коварством и жестокостью».

Пытались «взвалить вину» за это покушение и на нацистского диссидента, фюрера «Черного фронта» Отто Штрассера — младшего брата соперника Гитлера Грегора Штрассера, расстрелянного во время «ночи длинных ножей», когда фюрер расправился со своими противниками в СА. Ему вменяли в вину, что он был одним из участников тайного заговора против фюрера. Живший в то время в эмиграции в Париже Отто

Штрассер тут же перешел в пропагандистское контрнаступление и объявил взрыв в «Бюргербройкеллере» очередной национал-социалистической провокацией — «внешнеполитическим поджогом рейхстага». И стоял на своем достаточно долго, приведя в своей книге с не самым оригинальным названием «Моя борьба», опубликованной уже после войны, сделанное под присягой признание одного эсэсовца, что на самом деле Георг Эльзер якобы был унтер-шарфюрером СС. Именно на свидетельстве Отто Штрассера основывается версия о том, что взрыв в мюнхенской пивной был делом рук немецких спецслужб.

Эти и подобные выдумки имели долгую жизнь. Одиночка Эльзер, выходец из низов общества, никак не «вписывался» в картину антигитлеровского сопротивления, ведущая роль в котором была отведена представителям элитарно-консервативной оппозиции. В то же время и в социалистической ГДР ему не хотели воздать должное, поскольку никаких связей с коммунистическим подпольем у него не было.

Как же закончилась жизнь Эльзера? В апреле 1945 года в Дахау передали указания насчет того, как привести в исполнение очередной смертный приговор. Там говорилось: «при очередной бомбардировке Мюнхена или окрестностей Дахау

Эллер должен якобы погибнуть. Я предлагаю для выполнения этого распоряжения абсолютно незаметно ликвидировать Эллера при наступлении указанной ситуации. Прошу озаботиться тем, чтобы в курсе происшедшего оказался крайне ограниченный круг особо доверенных лиц». Однако ждать следующего налета не пришлось, заключенный Эллер 9 апреля был выведен из своей спецкамеры и расстрелян во дворе крематория специально отряженным для этого обершарфюрером СС из лагерной охраны, а его тело на следующий день было кремировано. Под псевдонимом Эллер нацисты скрывали Иоганна Георга Эльзера — одинокого борца с тиранией.

Любопытно, что покушение на Гитлера вечером 8 ноября 1939 года, в 16-ю годовщину нацистского «пивного путча», стало толчком для заметного усиления охраны Сталина. Именно с того времени все объекты, которые вождь собирался посетить, стали подвергать самому тщательному предварительному осмотру, а в Кремле завели правило досматривать на предмет наличия оружия портфели и сумки любых лиц.

Как была организована охрана Гитлера

Мы знаем, что ни одно из готовившихся или совершенных покушений на Гитлера не было

удачным. Неужели дело исключительно в везении Гитлера? Скорее всего причина в другом: Гитлер был крайне осмотрительным человеком. Настолько осмотрительным, что некоторые психологи полагают, что Гитлер страдал паранойей. Но, как говорится, «если вы — параноик, это не означает, что за вами не наблюдают», и осмотрительность Гитлера не кажется патологической, если учесть довольно частые попытки его физического устранения.

Гитлер, как видная политическая фигура, вождь, нуждался в надежной охране. Как же была организована охрана фюрера? На этот вопрос с достаточной степенью детализации не смог бы ответить ни один человек из ближайшего окружения фюрера, кроме начальника его личной охраны. Но занимавшего эту должность группенфюрера СС и генерал-лейтенанта полиции Ганса Раттенхубера спросить мы уже не сможем. Однако это совсем не значит, что об этом его не спрашивали в Главном управлении контрразведки СМЕРШ после ареста в мае 1945 года. Из его показаний следует, что Г. Раттенхубер, тогда еще унтер-офицер германской армии, впервые познакомился с Гиммлером в 1918 году в период их совместного обучения в офицерской школе. В дальнейшем, когда наряду со своей служебной деятельностью в полиции Г. Раттенхубер в

1929–1933 годах являлся председателем союза полицейских чиновников, он неоднократно встречался с Гиммлером на собраниях Национал-социалистической рабочей партии Германии и беседовал с ним.

Гиммлер высоко ценил подготовку и практическую деятельность баварской полиции. Заняв в 1933-м пост полицей-президента Мюнхена, он приблизил Раттенхубера к себе и назначил своим адъютантом, так как ему нужен был человек, знакомый с местными полицейскими кругами.

В связи с тем, что Гитлер часто и подолгу бывал в Баварии, Гиммлером было принято решение организовать команду из чиновников криминальной полиции для сопровождения фюрера в его поездках. В апреле 1933 года эту команду по приказу Гиммлера возглавил Раттенхубер. С этого времени и до смерти Гитлера, последовавшей 30 апреля 1945 года, он являлся бессменным начальником его личной охраны.

Реорганизованная осенью 1935-го охрана фюрера получила наименование «Имперская служба безопасности» (РСД). РСД была подчинена лично Гитлеру. Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось фюрером в самой категорической форме. Г. Раттенхубер вспоминает, что в 1942 году во время обеда в ставке «Вольфшанце» Гитлер в присутствии приглашенных генералов заявил: «Я

повторяю еще раз, что вы, Гиммлер, не имеете никакого права приказывать Раттенхуберу. Я запрещаю вам это. А если вы, Раттенхубер, что-либо доложите обо мне Гиммлеру, то будете немедленно заключены в тюрьму».

Эти слова Гитлера были адресованы Гиммлеру, человеку, который, стремясь доказать свою преданность, во время инсценированного им же «покушения» на фюрера закрыл последнего своим телом. Кроме того, являясь рейхсфюрером СС и «шефом немецкой полиции», Гиммлер руководил деятельностью Главного имперского управления безопасности (РСХА), включавшего СД (главный орган разведки и контрразведки Германии) и гестапо (орган политического сыска и контрразведки, вместе с уголовной полицией составлявший «полицию безопасности»), и имел право инспектировать РСД. Так что к вопросам обеспечения безопасности государства и вождя германского народа он имел самое непосредственное отношение.

Подразделения личной охраны Гитлера (в Берлине и Оберзальцберге) включало (на начало 1945 года) 81 сотрудника. Помимо них в подчинении Раттенхубера в разное время находились сформированные им по приказанию фюрера 7–9 команд охраны высокопоставленных руководителей рейха (Геринга, Гиммлера,

Геббельса, Риббентропа и некоторых других) и 2 команды охраны резиденций в Мюнхене и Берхтесгадене.

Помимо имперской канцелярии в распоряжении Гитлера находились еще несколько резиденций. Являясь еще и верховным главнокомандующим вооруженными силами Германии, фюрер неоднократно руководил военными действиями из специально оборудованных в разных точках Европы пунктов управления, обычно называемых «ставками Гитлера».

Выбор места для развертывания пункта управления производился главным адъютантом фюрера и комендантом ставки. Но приступать к его оборудованию можно было лишь тогда, когда руководство РСД убеждалось в возможности проведения в данном районе охранных мероприятий. Естественно, что дислокация пунктов управления держалась в секрете и в полном объеме была известна лишь узкому кругу лиц.

Охрану местопребывания фюрера помимо сотрудников РСД одновременно осуществляли военнослужащие специального подразделения из элитной воинской части «Великая Германия». При этом задача сотрудников РСД, несущих службу совместно с военнослужащими во внешнем секторе, заключалась в проверке лиц, прибывавших

к фюреру по его вызову или приглашению. Что касается внешнего сектора охраны, то в его границах совместными усилиями было организовано круглосуточное наблюдение за подступами к охраняемому объекту и воздушным пространством. После того, как в 1943 году офицеру СС Отто Скорцени во главе специально созданного отряда удалось на планерах приземлиться на небольшой площадке в горах и освободить находящегося под арестом Б. Муссолини, в районах дислокации пунктов управления по указанию Гитлера был проведен целый комплекс мероприятий по усилению противовоздушной обороны и недопущению высадки десанта противника.

Самому тщательному контролю подвергалась почта, адресованная фюреру. С не меньшей тщательностью контролировались продукты питания и медикаменты для него. Так, минеральная вода, которую любил фюрер, наливалась в бутылки только в присутствии сотрудников его личной охраны и привозилась в резиденцию (ставку) специальным курьером. Овощи, которые составляли основу рациона Гитлера (фюрер был вегетарианцем), отбирались для него начальником кухни, специально для этого выезжавшим в огородное хозяйство, устроенное неподалеку от Винницы. Другие продукты, как-то: рис, яйца и

т. д. — доставлялись из армейских складов и поступали на кухню, минуя посторонних лиц. Медикаменты для Гитлера заказывались только его личным врачом профессором Мореллем. Эти лекарства изготовлялись под наблюдением специально назначенного доктора и доставлялись в ставку курьером.

Так как после покушения, совершенного графом К. Штауффенбергом 20 июля 1944 года, фюрер не выносил портфелей, то Геринг, Гиммлер и Геббельс, идя к Гитлеру на доклад, брали с собой референтов, которые приносили портфели в приемную. В приемной из портфелей извлекались необходимые для доклада документы, с которыми сподвижники фюрера могли безбоязненно войти в его кабинет. Кейтель, Йодль и Гудериан для этой цели брали с собой адъютантов, которые подвергались обыску, а портфели их начальников — досмотру.

По свидетельству Раттенхубера, в 1933–1945 годах Гитлером для передвижения использовался железнодорожный, автомобильный и воздушный транспорт.

Специальный поезд фюрера состоял из 15 вагонов. Вагон Гитлера не был бронирован. Не было осуществлено и запланированное на 1944 год бронирование его купе. Для обороны поезда, прежде всего противовоздушной, предназначались

скорострельные зенитные артиллерийские установки калибра 20 мм, установленные на двух бронеплощадках и связанные между собой телефонным кабелем. В одном из вагонов размещался узел связи, а в другом — охрана. Остальные вагоны предназначались для обеспечения и обслуживания Гитлера, сопровождавших его лиц и гостей.

Задача по обеспечению безопасности Адольфа Гитлера значительно облегчалась тем, что обслуживающий персонал спецпоезда, начиная с 1938 года, был постоянным, а состав сопровождающих фюрера лиц почти всегда — одним и тем же.

Конкретный маршрут движения поезда держался в строжайшем секрете. Но даже при этом он составлялся таким образом, что нельзя было понять с достаточной определенностью, на какой станции Гитлер сядет в поезд или покинет его. При этом фюрер (вместе с охраной, естественно) нередко входил в поезд (выходил из него) с другого, нежели его гости, вокзала.

В период пребывания Гитлера в Ставке спецпоезд постоянно находился в состоянии готовности, перемещаясь при этом с одной станции на другую через различные по продолжительности промежутки времени.

При любом варианте перемещения фюрера (секретном или официальном) впереди спецпоезда на определенной дистанции двигался добавочный поезд. В ходе секретных поездок Гитлера находившиеся на маршруте движения железнодорожные станции перед прохождением поезда закрывались, что исключало проникновение туда посторонних лиц. Если поездки совершались официально и ожидалась встречи публики, то железнодорожное начальство заранее заботилось о правильном размещении встречающих.

Населению, встречавшему Гитлера, было запрещено держать в руках какие-либо пакеты или свертки. Также было запрещено фотографирование и бросание цветов. Население уведомлялось об этом по радио и через газеты, а также полицейскими на мотоциклах, возившими с собой щиты с соответствующим текстом. По прибытии фюрера на станцию назначения пассажиры других поездов выводились запасными путями на боковые улицы.

При официальных поездках Гитлера к охране железнодорожного пути по маршруту движения поезда помимо полицейских привлекались отряды СС, СА, НСКК (национал-социалистический моторизованный корпус) и «трудовой повинности». За безопасность на каждом участке пути в том или ином регионе отвечал

соответствующий высший начальник СС и полиции.

При поездках на автомобилях Гитлер пользовался машинами марки «Мерседес-Бенц» (открытая и лимузин) с мотором мощностью 150 лошадиных сил, а также вездеходом марки «Штейер». Внутри автомашин имелись потайные, быстро открывающиеся кобуры для автоматов и пистолетов. Все машины фюрера были бронированы полностью (стенки, днище, крыша) и имели специальные пуленепробиваемые стекла. Испытания, которые проводились периодически, показали, что броня выдерживала обстрел из пулемета и на ней не оставалось вмятин от взрыва ручных гранат. Стекло выдерживало воздействие семи винтовочных выстрелов в одну точку.

Фары-прожектора на автомобиле фюрера были исключительно мощными, что обеспечивало ослепление любых встречных машин, исключая, таким образом, возможность ведения из них прицельного огня на поражение. Кроме того, в машине имелось несколько управляемых изнутри, вручную, небольших, но очень сильных фонарей, позволяющих освещать все пространство вокруг автомобиля. Сзади на машине был установлен мощный прожектор, при помощи которого можно было ослеплять все автомобили, пытающиеся догнать автомашину Гитлера.

Каждый автомобиль охраны фюрера был вооружен двумя пулеметами с 2400 патронами к ним. С началом войны против СССР автомобильная охрана во время поездок также получала автоматы и ручные противотанковые гранатометы одноразового действия «Панцер-фауст». Машины сопровождения (их обычно было две) имели сзади светящуюся надпись: «Полиция. Обгон запрещен». Таким образом, лица, пытавшиеся обогнать конвой, подлежали привлечению к уголовной ответственности.

Особые охранные мероприятия надлежало производить при официальных поездках, так как маршрут был известен за несколько дней и население собиралось для встречи Гитлера. В таких случаях чиновниками криминальной полиции бралась под наблюдение вся трасса. Владельцам домов давалось указание ни в коем случае не допускать к себе неизвестных лиц. Все гаражи и автомастерские просматривались с целью обнаружения там посторонних машин. Киоски и полые колонки для афиш брались под особое наблюдение.

Вывешивание лозунгов, украшений и сооружение трибуны осуществлялось под наблюдением сотрудников регионального руководства НСДАП. Установка громкоговорителей была разрешена лишь

специальной команде штурмовиков. Специальные места были отведены для фоторепортеров и кинооператоров, за которыми велось тщательное наблюдение.

Оцепление располагалось таким образом, что каждый второй охранник стоял лицом к публике, а чиновники полиции размещались среди публики и в задних рядах. Если по пути следования нужно было проезжать парк, то в таком случае в нем всегда находились полицейские с собаками.

Чтобы предотвратить бросание цветов, их брали у публики и затем приносили к Гитлеру. Лица с багажом с улиц немедленно удаляли. Письма передавались только охране, которая ехала на двух машинах вплотную к автомобилю фюрера.

Самолет Гитлера — четырехмоторный «Кондор» фирмы «Фоккс-Вульф» — имел крейсерскую скорость около 340 км/ч, что обеспечивало непрерывность полета в течение четырех часов. Самолет был вооружен двумя автоматическими пушками, установленными в хвостовой части и под фюзеляжем. Для высотных полетов на каждого пассажира в самолете имелся кислородный прибор.

«Кондор» Гитлера был оборудован специальным устройством, позволявшим фюреру в случае опасности путем нажатия кнопки открывать под собою люк, после чего вместе с сиденьем, к

которому он был заранее прикреплен ремнями, покинуть самолет. Дальнейшее раскрытие парашюта осуществлялось автоматически. Это устройство и особенно парашют постоянно подвергались специальным проверкам.

За исключением совместных с Муссолини вылетов на фронт, все остальные поездки Гитлера были проведены неожиданно, и поэтому никакие подготовительные охранные мероприятия не проводились, тем более что фюрер приезжал на фронт не больше, чем на несколько часов. По прибытии Гитлера местные органы СД немедленно принимали все необходимые меры по его охране.

Особняком стоят полеты фюрера в Мариуполь и Запорожье. В Мариуполе он ночевал в отведенном для него доме на берегу моря, в Запорожье жил два дня в помещении авиационной казармы. В обоих случаях, при содействии органов тайной полевой полиции, были проведены необходимые охранные мероприятия: усиленная патрульная служба, внутренние и внешние караулы, закрытие всего прилегающего района для посторонних лиц. Более широкие мероприятия по охране не проводились, так как это могло вызвать ненужную огласку. Вследствие этого о пребывании Гитлера в Мариуполе местные жители не узнали, а в Запорожье об этом поставили в известность лишь узкий круг лиц.

Что касается совместных вылетов на фронт (в Брест и Умань) Гитлера и Муссолини, необходимо отметить, что они совершались в разных самолетах (по этому поводу имелось специальное указание фюрера). Самолет с дуче вел шеф-пилот фюрера — Бауэр, а самолет Гитлера — полковник Дольди, летчик «эскадрильи фюрера». В ходе полета самолеты эскортировались истребителями (6 — 10 машин), пилотируемыми немецкими асами. После приземления охрана Гитлера и Муссолини возлагалась на сотрудников РСД и военнослужащих «батальона сопровождения фюрера».

В заключение хотелось бы вновь вернуться к заговорам военных против Гитлера. В 1943-м — первой половине 1944 года ими было подготовлено около десяти покушений на фюрера. Однако лишь однажды — 20 июля 1944 года — предпринятая К. Штауффенбергом попытка завершилась взрывом бомбы. Почему не удались предыдущие? Всею виной тактика Гитлера «путать карты противника», внося изменения в запланированные мероприятия и не допуская стереотипности в действиях. Сохранилась стенографическая запись его высказывания по этому вопросу: «Я отдаю себе отчет в том, почему девяносто процентов исторических покушений оказались успешными. Единственная превентивная мера, к которой

следует прибегать, — это не соблюдать в своей жизни регулярности — в прогулках, поездках, путешествиях. Все это лучше делать в разное время и неожиданно...»

Заговоры высшего германского офицерства

Следует заметить, что всеобщая, всенародная поддержка Гитлера — это миф. Нет, даже в Третьем рейхе существовала оппозиция, которая не прекращала политического сопротивления. Руководители левых не призывали к восстанию, они делали ставку на агитацию, разъяснение и убеждения. «Пропаганда как оружие» — один из лозунгов немецких коммунистов тех лет. В ноябре 1938 года по Германии распространялись листовки с протестами против первого всегерманского еврейского погрома, названного впоследствии «хрустальной ночью». В течение всех двенадцати лет гитлеровского правления полиция искала авторов антигитлеровских надписей и плакатов на стенах домов. На заводах и фабриках не прекращались отдельные стачки и митинги. Гитлеровцы рассматривали любой акт саботажа как протест против режима. Во время войны гестапо зафиксировало более пяти тысяч случаев такого «предательства рабочих» только на заводах Круппа.

Но с середины 1930-х годов левые уже не представляли серьезной опасности для Гитлера: многие социалистические и коммунистические лидеры были убиты, оставшиеся в Германии сидели в лагерях и тюрьмах. Сохранившиеся группы сопротивления были разрознены и малочисленны и не представляли собой политической силы.

Однако с середины 1930-х годов опасность для фюрера появилась, прежде всего, со стороны приверженцев «Черного фронта» Отто Штрассера. Эта организация была создана в августе 1931 года и объединяла крайне правых и крайне левых национал-революционеров. Но уже в феврале 1933 года, сразу после прихода фюрера к власти, «Черный фронт» был запрещен, а Отто Штрассер бежал в Прагу. Одной из заметных акций «Черного фронта» стала попытка покушения на Гитлера в 1936 году. Штрассер уговорил Гельмута Гирша, еврейского студента, эмигрировавшего в Прагу из Штутгарта, вернуться на родину и попытаться убить кого-нибудь из нацистских руководителей. Гирш хотел отомстить за набравшее обороты преследование немецких евреев. Кроме Гитлера, он хотел рассчитаться с оголтелым антисемитом Юлиусом Штрайхером, близким к фюреру человеком, редактором печально знаменитой газеты «Штюрмер». Взрыв должен был состояться в Нюрнберге, во время очередного партийного

съезда. Но Гирш даже не успел получить взрывчатку — он был выдан одним из участников заговора и схвачен гестапо. Суд приговорил его к смерти, казнь состоялась 4 июля 1937 года в берлинской тюрьме Плётцензее, где закончилась жизнь многих борцов с гитлеровским режимом.

Политический курс Гитлера также не устраивал многих офицеров, которые понимали, что нацисты взяли курс на разжигание новой мировой войны. Чтобы воспрепятствовать замыслам фюрера был создан «заговор офицеров» — вокруг бывшего обер-бургомистра Лейпцига Гёрделера сложился небольшой кружок генералов и высших офицеров, мечтавших о другой судьбе для своей родины. Заметной фигурой кружка Гёрделера был начальник Генерального штаба Людвиг Бек, который ушел в отставку с поста начальника Генерального штаба в августе 1938-го в чине генерал-полковника. Чтобы не дать втянуть Германию в безнадежную войну, он планировал насильственное отстранение Гитлера от власти и готовил для этого специальную штурмовую группу из преданных ему офицеров. К Беку присоединился командующий войсками Берлинского округа генерал-майор (с 1940 года генерал-фельдмаршал) Эрвин фон Вицлебен, пользовавшийся большим уважением среди военных. В состав штурмовой группы входили офицеры военной разведки

(абвера) во главе с начальником штаба управления разведки за рубежом полковником Гансом Остером и майором Фридрихом Вильгельмом Гайнцем.

Бек и Вицлебен не собирались убивать Гитлера, их целью был только арест и отстранение его от власти. Но они не знали, что в штурмовой группе зрел свой внутренний заговор: Остер и Гайнц собирались застрелить фюрера во время захвата. Они были убеждены, что только смерть диктатора может обеспечить успех их дела.

У заговорщиков все было готово, ждали лишь последнего сигнала. Им должен был стать приказ Гитлера начать войну за Судеты. Но приказа не последовало: Англия и Франция уступили требованиям агрессора и подписали 29 сентября в Мюнхене позорный договор с Германией и Италией. Судеты были отданы немцам, Гитлер на время удовлетворил свои аппетиты, война была отложена, покушение на диктатора не состоялось.

Военные успехи 1940–1943 годов ослабили попытки заговорщиков ликвидировать фюрера. И только непримиримые борцы с нацистским режимом не прекращали попыток освободить Германию от диктатора. Такие как Геннинг фон Тресков.

Скептически относясь к идеалам Веймарской республики, Тресков приветствовал в 1933 году переход власти к нацистам, но уже после «путча

Рёма» изменил свои взгляды и стал последовательным противником фюрера. После «хрустальной ночи» он почувствовал, что не может больше служить нацистам. В ноябре 1938 года Тресков пришел к Эрвину фон Вицлебену с просьбой об отставке, но генерал уговорил его остаться в армии: для готовящегося государственного переворота были нужны такие люди. Еще до начала войны Тресков понял, что только смерть Гитлера может спасти Германию.

На Восточном фронте полковник Тресков готовил несколько покушений на фюрера. Так, в марте 1943 года появился замысел взорвать Гитлера в его собственном самолете во время полета, инсценировав несчастный случай. Для этого начальник штаба группы армий «Центр» генерал-полковник Геннинг фон Тресков сумел убедить Гитлера, что ему необходимо посетить Восточный фронт. И фюрер собрался лететь в Смоленск. Перед Гитлером во второй половине февраля в этом древнем русском городе побывал глава абвера адмирал Канарис (вошедший в историю под прозвищем Хитрый Лис) с группой своих офицеров. Среди них был высокопоставленный разведчик Ганс фон Донаньи. Он тайно (но скорее всего с ведома Канариса) привез с собой новейшую английскую взрывчатку, похожую на замазку (видимо, прообраз

современного пластида), и передал ее адъютанту фон Трескова лейтенанту Фабиану фон Шлабрендорфу.

13 марта 1943 года, когда фюрер, завершив инспектирование войск центральной группы, собирался лететь домой в Восточную Пруссию, к одному из офицеров свиты Гитлера полковнику Брандту уже на аэродроме подошел лейтенант фон Шлабрендорф. От имени своего шефа генерала фон Трескова он обратился к адъютанту фюрера с невинной просьбой: передать в Берлин генштабовскому генералу Штифу сверток якобы с коньяком. Брандт не отказал.

Пока фюрер у трапа самолета прощался с генералитетом армейской группы, стоявший поблизости фон Тресков заслонил собой смелого помощника, а тот незаметно раздавил в свертке ключом кислотный взрыватель. Затем фон Шлабрендорф бережно понес запущенную им адскую машину к Брандту, уже занесшему ногу на ступеньку трапа. «Коньяк» оказался в самолете. Взрыватель должен был сработать на подлете к Минску, через тридцать минут после взлета. Но сильный холод нейтрализовал кислоту, взрыва не произошло. Фюрер благополучно приземлился в Растенбурге.

Через восемь дней коллега Трескова по штабу группы «Центр» полковник Рудольф фон Герсдорф

попытался взорвать себя вместе с Гитлером на берлинской выставке трофейного вооружения. Фюрер должен был пробыть там час. Когда диктатор появился в арсенале, Герсдорф установил взрыватель на 20 минут, но уже через четверть часа Гитлер неожиданно уехал. С большим трудом полковнику удалось предотвратить взрыв.

В июле 1943 года офицеры Восточного фронта сделали бомбу в виде бутылки джина и подложили ее в самолет Гитлера. На высоте бутылка должна была взорваться. Однако взрывное устройство замерзло и не сработало. В ноябре того же года 23-летний германский офицер Аксель фон дем Буше вызвался участвовать в показе новой немецкой военной формы. На показе должен был присутствовать Гитлер. Фон дем Буше спрятал гранаты в карманах и собирался бросить их в Гитлера, когда тот подойдет достаточно близко. Однако в последнюю минуту Гитлер решил не ехать. Покушение сорвалось. Точно таким же образом и лейтенант Эдвард фон Кляйст был готов пожертвовать собой, но убить Гитлера во время той же демонстрации новой армейской формы. Причем офицеры действовали независимо друг от друга.

Ротмистр Эберхард фон Брайтенбух, ординарец генерал-фельдмаршала Буша, хотел застрелить Адольфа Гитлера 11 марта 1944 года в резиденции Бергхоф. Но в тот день на беседу

фюрера с генерал-фельдмаршалом ординарца не допустили.

Последней надеждой военной оппозиции стал полковник Клаус Шенк фон Штауффенберг, с весны 1944-го планировавший вместе с небольшим кругом единомышленников покушение на Гитлера. Из всех заговорщиков только граф Штауффенберг имел возможность приблизиться к фюреру. Генерал-майор Геннинг фон Тресков и его подчиненный майор Иоахим Кун, военный инженер по образованию, подготовили для покушения самодельные заряды. 20 июля граф Штауффенберг и его ординарец старший лейтенант Вернер фон Гефтен прибыли в ставку с двумя взрывпакетами в чемоданах.

Самая известная попытка покушения на Адольфа Гитлера была предпринята начальником штаба резервной армии полковником Штауффенбергом 20 июля 1944 года в ставке фюрера «Вольфшанце» («Волчье логово») под Растенбургом. Она не удалась. Гитлер отделался легким сотрясением мозга и сильным нервным потрясением, зато большинство участвовавших в заговоре немецких офицеров и государственных деятелей, среди которых наиболее известны руководитель абвера — военной разведки и контрразведки Германии адмирал Канарис и видный дипломат, бывший посол Германии в СССР

граф фон дер Шуленбург, были арестованы и казнены.

Сам факт покушения не раз был описан в художественной и научной литературе. Часто его увязывают с бесславным для Германии развитием событий на Восточном фронте и, как следствие, возникшим в конце войны несогласием германских офицеров с политикой Гитлера в военной области, заведшей страну в тупик.

На самом деле причины заговора гораздо сложнее, и их истоки следует искать в довоенной истории Германии. Основываясь на показаниях немецких офицеров, принимавших в заговоре против Гитлера самое непосредственное участие, и имеющихся документальных материалах, попробуем реконструировать цепь событий и выяснить, что заставило заговорщиков поставить на карту свои жизни и в чем они были не согласны с Гитлером.

Немецкая армия в течение нескольких столетий по праву считалась одной из самых лучших в мире. Присущие ей дисциплина и боеспособность были широко известны, как и таланты ее полководцев. Воинская доблесть, отвага и патриотизм культивировались в Германии, а если их проявляли другие народы, это вызывало у немцев глубокое уважение и восхищение. Недаром слова песни «Врагу не сдается наш гордый

«Варяг»...» являются переводом стихотворения немецкого автора, восхищенного подвигом русских моряков «Auf Deck, Kameraden! Auf Deck!»

Поражение Германии в Первой мировой войне, экономическая разруха, недовольство немецкого населения условиями Версальского договора породили разброд и шатание в общественной жизни страны. Политическая активность населения стала очень высокой. Десятки организаций и партий самого различного толка создавали свои ячейки по всей стране. Повсеместно проводились политические диспуты, нередко перераставшие в кулачные бои. Широкие слои населения оказались вовлечены в перипетии партийной борьбы.

Совсем другая картина наблюдалась в среде военных. Немецкое офицерство традиционно воспитывалось в узкокастовом духе. Кадровым военным прививалось убеждение, что армия является орудием государства и стоит вне какой-либо политической или партийной борьбы. Согласно этим убеждениям политика считалась делом штатских, делом военных была солдатская служба.

Жизнь немецкого офицера проходила в казарме, в офицерском казино, на лагерных сборах и в своей семье. Эта жизнь была отгорожена непроницаемой стеной от внешнего мира с его

политическими и социальными бурями. Большинство немецких офицеров действительно не интересовались политикой и, вплоть до самых высших армейских чинов, в партию никогда не вступали. И даже приход к власти Гитлера 30 января 1933 года не внес никаких существенных перемен в жизнь немецкого офицерского корпуса, потому что гитлеровское движение их доверием не пользовалось и было для них чем-то бесконечно далеким.

Впервые серьезные сомнения немецкого офицерства в законности власти Гитлера вызвали события «ночи длинных ножей» 30 июня 1934 года, когда Гитлер, опасаясь роста влияния руководства штурмовых отрядов, устроил с помощью эсэсовцев настоящую резню, когда, как мы уже говорили, помимо руководителя СА Эрнста Рёма было физически уничтожено около 1000 его соратников. После расправы с неугодными единомышленниками Гитлер занялся насаждением строжайшего партийного контроля за армией. Невежественные в военном отношении эсэсовцы начали вмешиваться в чисто армейские дела. Однако попытки и намерения нацистов превратить казармы в политическую трибуну встретили резкий отпор со стороны офицерского корпуса. Даже мнимый расцвет Германии в первые годы

фашистской власти не мог ликвидировать этих настроений.

Такое же неприятие в офицерской среде приняла развязанная нацистами борьба против христианской церкви. Уважение к священнослужителям было одной из основ воспитания немецкой армии. Оскорбления и публичные унижения священников представителями новой фашистской власти были крайне отрицательно восприняты офицерским корпусом.

К тому же Гитлер позволил себе нарушить принципы традиционной политики Германии, строгое соблюдение принципов которой всегда обеспечивалось безоговорочной поддержкой рейхсвера. Эти положения были в свое время разработаны генерал-полковником фон Сектом и вкратце сводились к следующему:

— не допускать никакого риска во внешней и внутренней политике;

— не допускать партийно-политической борьбы в армии;

— избегать конфликтов с основными политическими силами и массами;

— добиваться всеми средствами единства страны;

— без военного риска добиться ревизии Версальского договора;

— правильно использовать во внешней политике свое центральное положение в Европе и, ориентируясь на Восток, использовать существующие международные противоречия.

Считалось, что ревизия Версальского договора натолкнется на сопротивление Англии и Франции. Однако Советский Союз, не заинтересованный в дальнейшем укреплении англо-французской гегемонии, окажет в этом случае поддержку Германии. Одновременно СССР рассматривался как политическая и военная гарантия против Польши, которая в союзе с Францией казалась Германии очень опасной. Традиционную политику Бисмарка в отношении России рейхсвер считал наилучшей внешнеполитической концепцией.

На основе такой политики военные круги надеялись добиться внутреннего единства, оживления экономики и промышленности страны, устранения непосильных обязательств перед границей, уменьшения безработицы и улучшения материального положения основной массы немецкого народа.

Придя к власти, Гитлер торжественно обещал строго придерживаться этой традиционной политики Германии. Его заявления вроде бы подтверждались тем, что в правительство вошли фон Папен и барон фон Нейрат. Поэтому рейхсвер

рассматривал захват власти Гитлером 30 января 1933 года как событие, достойное сожаления, с которым, однако, необходимо примириться.

Ход событий с 1933 года до начала войны в 1939-м показал, что Гитлер не хотел считаться с мнением военных кругов и был совершенно не намерен руководить государством в рамках конституции. Заявление Гитлера: «Партия приказывает государству», — вскрыло его претензии на единоличное руководство страной. Торжественное признание традиций империи и ее основных принципов оказалось лишь пропагандистским трюком.

Мероприятия ефрейтора, как презрительно армейская верхушка именовала Гитлера, направленные на захват руководства армией, распространение партийного влияния в офицерском корпусе, установление через СС и гестапо наблюдения за высшими офицерами затрагивали весь офицерский корпус и не могли не вызвать оппозиционных настроений. А отставка Фритче и Бека в 1938 году, как представителей наиболее разумной и умеренной политики, пользовавшейся в армии огромным авторитетом, не оставила больше никаких сомнений в истинных целях и лживости поведения Гитлера.

В кругах высших офицеров уже тогда были широко распространены мысли о необходимости

устранения Гитлера, ибо он представлял колоссальную опасность для Германии и всего немецкого народа. Такие идеи высказывали представители высшего генералитета фон Браухич, фон Клюге, Бек, Гальдер, Фромм. Однако они понимали, что Гитлер сумел так подчинить своему влиянию массы и разжечь у них иллюзии на лучшее будущее, что выступления военных не нашли бы поддержки у населения.

В 1939 году Гитлер начал войну. Первые этапы ее создавали впечатление, что она имеет локальный характер, и давали надежду на ее скорое прекращение. Это впечатление усиливалось договором о дружбе с Советским Союзом, подписание которого немецкий народ воспринял с огромным воодушевлением. Вполне обоснованные опасения затягивания войны, перерастания ее в мировую, и, как следствие этого, полной изоляции Германии заглушались надеждами на то, что Гитлер не лишен здравого смысла и успеет все вовремя прекратить.

Решающим же моментом, определившим создание в армии антигитлеровской организации, явилась война с Советским Союзом. Нападение Гитлера на Советский Союз народ принял с изумлением, а военные — с большой тревогой. Это предприятие было слишком рискованным, чтобы его можно было оправдать. Именно в 1941 году у